Александр Мищенко

Саваоф

Книга 2

Александр Мищенко
Саваоф. Книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21200057
ISBN 9785448320729

Аннотация

Роман «Спартак нашего времени» являет собой опыт реминисцентной прозы. Это роман об эпохе, о том, что Россия может «указать путь» миру, если станет страной востребованного интеллекта, когда открывают дорогу тем людям, которые способны видеть хоть немного вперед, как мыслил об этом Менделеев. Роман о сокровенно-личном, что пережито автором за 70 лет жития-бытия, о Сибири за фронтиром Урал-Камня, о России, о волновом Доме человечества.

На обложке картина Лоренцо Лотто «Несение креста».

Содержание

«Я считываю из космоса…» 5
Литература в оптике В. Огрызко и «Лит. России»… 23
Столбы Мироздания 46
Случай с пианино… 50
Проницающий недра 92
Москва – столица, моя Москва… 94
Послесловие 115
Три сестры в Гайдпарке 118
Я снегами живу 135
В Сладково 138
После моноспектакля 139
Эльчибей 142
Конец ознакомительного фрагмента. 163

Саваоф
Книга 2
Александр Мищенко

Автор сердечно благодарен за помощь в издании книги главе администрации Казанского района Т. А. Богдановой и руководителю фирмы «Маяк» В. Л. Ташланову.

© Александр Мищенко, 2016

ISBN 978-5-4483-2072-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга-анонс

(Повести, рассказы, фрагменты – извлечения из романа «Спартак нашего времени»)

Опыт реминисцентной прозы

«Я считываю из космоса…»

Можно так смотреть на мир, что он есть мир бывалого и все, что в нем есть, все было: и Америка была до своего открытия, и атомы вертелись без нашего спроса до открытия атомной энергии, и так было решительно все, что у нас теперь есть. Однако через всю эту массу мира бывалого проходит у нас на земле свой особенный Млечный или Птичий путь к небывалому.

М. Пришвин, «Дневники».

Слякотный осенний день.

Еду к Бембелю в район Червишевского тракта. Остановка у многоэтажек. Радужные огни фонарей. Но вот я на нужном этаже. Роберт встречает, и через минуту я у него в кабинете. Громко сказано: показалась мне его квартирешка маленькой. Осматриваюсь. На стене цветная географическая карта полушарий. Бембель на стуле у стола, рядышком его неизменный костыль. *Убийственный артефакт для демонстрации студентам эффекта силы земного притяжения, а если и покрутить в руке – для изображения тороидно-солитонного вихря. У Бембеля костыль может являть все сущее во Вселенной.* Я на диванчике. Карта как бы раздвинула наши пределы в соответствии с темой разговора, о Земле и Солнечной системе, и кажется, что приветливо сияют

нам звезды. Массивное лицо не хилого по комплекции профессора излучает радушие. Начало разговора задал сам хозяин, заявив, что еретик Бембель готов, спрашивайте, товарищ писатель.

– Ну, про еретика и разъясни, Роберт Михайлович, – прошу я.

Тот деловито и начинает:

– Я тебе так скажу. Я студентов своих по этому поводу спрашиваю: кто на базаре громче всех кричит: «Держи вора!» Да, сам вор и кричит. – И Бембель забулькал смешком. – О лженауке орут те, кто ею занимается. Если ты будешь доказывать, концепцию выдвигать и прочее, ты будешь настоящим ученым. А лженаука – это кричать, обзываться. *Редиска, мол, ты и всякое такое прочее.* Ставить клеймо на неугодных тебе. Так я и объясняю студентам. Так что быть лжеученым в нашем обществе почетно. *Лжеучёные – лучшие друзья бездарных журналистов.* Борис Авилов. Еретики ведь – это Джордано Бруно, Коперник, Галилей. *Последний изумил меня совершенно прекрасным и главное справедливым изречением: «Авторитет, основанный на мнении тысячи, в вопросах науки не стоит искры разума у одного-единственного».* И слушай-ка – здорово ж в этом ряду стоять! У меня волосы на голове от гордости пошевеливаются. – Опять смешок. – Приятно. Одного сожгли, а этих двух нет. *Жаль, да?* Причем Коперника признали еретиком после смерти *посмертная слава.* Единственный он, который жи-

вым ушел от костра, был Галилей. *Будь сейчас Средневековье, Бембеля зажарили бы со специями.* Он вынужден был унижаться, чтобы его не сожгли. Пообещал властям, что откажется от всех своих идей. На лекциях у меня звучит нередко: как относиться к произведениям Галилея? Я его одобряю. *Одобрямс Бембеля многого стоит.* Правильно он сделал. Надо было ему отказаться от идей дерзких, остаться в живых и продолжать работать. *Подобная картина произошла с геологом Платоном Другиным, о котором нередко болит сердце Автора. Бесплодная, по сути, 15-летняя борьба обескровила его, и умер бесславно он.*

С Самотлора Другин перебрался в Сызрань. Там и умер. Последней книгой, как говорят, которую он читал, была «Все люди – враги» Ричарда Олдингтона. В ней был подчеркнут карандашом этот фрагмент: «…если жить всеми чувствами, столько же плотью, сколько разумом, всеми своими непосредственными восприятиями вместо выдуманных, отвлеченных, тогда действительно все люди оказываются врагами». Незадолго перед смертью, как мне рассказали, Другин с горечью заявил: «Напрасно я боролся! Псу под хвост пятнадцать лет жизни выбросил, и пустота одна на душе осталась. Сухой остаток. Горький итог». Будто Ваня-электрон мой, прыгнул в бездну бескомпромиссной борьбы с Системой Другин. В этом разгадка многих трагедий на Руси, когда все ставят на кон, заявляя: «Погибну, а не подчинюсь!»

И проштыкиваются, не попав в хомут необходимости. Один ли он? Несть числа таким. В Сеть выложили неожиданные признания умирающих.

Бронни Уэр, медсестра, ухаживающая за умирающими, записала, о чем они больше всего сожалеют перед смертью. Позднее она написала книгу «Пять причин для сожалений перед смертью».

1. ***«Жаль, что у меня не было смелости жить своей жизнью, а не так, как от меня ожидали».*** *По свидетельству Бронни, об этом люди сожалеют чаще всего.*

2. ***«Жаль, что я так много работал».*** *Бронни признается, что об этом упоминает каждый мужчина и часть женщин.*

*3. «****Жаль, что у меня не было смелости выражать свои чувства».*** *Бронни добавляет, что люди подавляют свои чувства, чтобы жить в мире с окружающими, но это мешает им стать теми, кем они могли бы стать.*

4. ***«Жаль, что я не общался с друзьями».*** *Многие теряют связь с друзьями со временем, и только когда они умирают, человек понимает, сколь многого он лишился.*

5. ***«Я мог бы быть счастливее».*** *Бронни с некоторым удивлением говорит, что это очень распространено. Только перед смертью люди осознают, что счастье – это выбор.*

Хотя мог Другин при его-то мощном уме многого добиться в любимой им геологии. Он же променял ее на специальность правдоискателя. Так меняют ныне дело жизни

на это иные из оголтелых протестников. И утираются потом, когда пуляют в них тортами, яйцами, отмахиваются, когда летят в них декоративные пачки долларов…

И вздохнёшь тут лишь: чтобы познать истину, надо прежде познать себя. А сожгли бы Галилея – кому что доказал бы он?

Но ясновидцев – впрочем, как и очевидцев,
Во все века сжигали люди на кострах.

В. Высоцкий. «Песня о вещей Кассандре»

Этим уркам все равно ведь ничего не докажешь. *Ну, молоток Бембель. Пригвоздил: урки. А кто ж они еще?*

Мощно и по существу говорил Бембель. Так думал я в минуту слушания его, так думаю и, переводя текст нашего разговора в литературную форму. И действительно, еретики двигают мир. И разговор о никогда не досужий. Пришел вот ко мне свежий номер «Литературной России» с рецензией дальневосточника Василия Авченко на книгу illuminationes («Озарения»). Лимонов взялся за создание новой религии, извлекая ее, строя собственную версию из понимания классических религиозных текстов. Критик одобряет искания ересиарха Эдуарда. «Книга цельна, – заявляет он, – и читать ее надо только полностью. Иначе ничего не выйдет, вырванные из контекста куски покажутся странным бредом. Да, это ересь – а весь Лимонов не ересь? Или, сказать по-другому, **разве все интеллектальное развитие человече-**

ства – не ряд ересей, то дополняющих, а то опровергающих одна другую (выделение – А. М.)**?»** Такие еретики, движители мира всегда – вырвавшиеся из ряда себе подобных. В субботних «Вестях» Сергей Брилев устроил встречу с композитором Родионом Щедриным. Отталкиваясь от протестов и протестников, будоражащих ныне наше общество, журналист и задал вопрос собеседнику так, скажу вольно: есть мнение большинства, что являет собой как бы демократию, и есть мнение меньшинства, как на это смотреть. *Да-да, как смотреть на ту же Новодворскую с вечным ее большевизмом? Особа ж это, которую разжигало само слово «революционер», пламенеющее во мгле тогдашней России, взбученной Перестройкой. Так, наверное, чувствовали его Овод, Гарибальди и другие подобного рода личности с огнем Спартака внутри, революция для которых являла собой метафизику бытия, как мог бы сказать А. И. Герцен. Р е в о л ю ц о н е р – что раскаленная поковка в горне. Но изменились условия, поковка остыла, и что? Поблекла Новодворская. Как и другие революционеры, ибо рождены такие для борьбы, иначе – для войны. Хотя ратуют вроде бы за мир, за благоденствие России и человечества. Однако, автоматом Калашникова не пишутся ни воззвания о мире, ни трактаты, ни всякие другие проповеди фарисейского толка. Другое дело – стихи в небе, писанные инверсионными следами самолета – прецеденты есть… Как пишут в Сети «революционер» станет скоро самой модной профессией.*

Ниспровергатель, упразднитель и новый «непоротый» человек. Устроитель протестных катаний в тележках из супермаркета по центральным улицам. А иначе как?..

И иное совсем дело, когда созидает пространства духа, острова культуры и интеллигентности в кипящем море самовлюбленного бизнеса и децибельных концертов для увлеченных поп-искусством недорослей ошеломительно обаятельная, «вольнодумной глубины» певица Елена Камбурова и в сообщества ее друзей естественно вливаются, изживаясь в них искренностью, с донца души идущей, Венеамин Смехов и Алеша Петренко, Александр Филлиппенко и Никита Высоцкий, Юрий Рост и Владимир Дашкевич, Инна Чурикова и Юрий Норштейн, Эльдар Рязанов и Дмитрий Харатьян, Андрей Макаревич и Константин Райкин, игуменья матушка Ксения и другие.

На интернет-холме, в Гайдпарке, то бишь, зазвучало надыси про ненавистное мне понятие «жлоб». Дружок у меня есть прелестный, ныне бурила Оскар Хабиденов, по мне самолучший казах-русист в Сибири из учителей родом. Не мог не вспомниться мне в этот момент Виктор Петрович Астафьев. Как разумею я, он являет собой живое подтверждение афоризма Уистена Хью Одена: «Только второстепенный писатель может быть идеальным джентльменом: крупный талант – всегда в некотором роде хам… Умение хорошо держаться – неопровержимый признак бездарности». А их – стаи, которые терзали писателя на закате его дней. За-

видуя писателю, бездари тешили себя надеждой, что он плохо кончит… Тот же мог бы им крикнуть: «Не дождетесь!» Вот и упокоился Астафьев в Овсянке. И крест на его могилке вопиет будто б: «Не дождались, братья!» Достойно ушел в «вечный строй» писатель-фронтовик, недреманная совесть России.

Но что есть совесть, если основательно помыслить о ней в век, когда наше мышление все шире и дале, как говорится, проницает квантовые начала жизни? Совесть, как я мыслю о ней, вездесущна, как любовь, и как любовь же являет собой подобие нейтрино, предсказанных Паули Вольфгангом. Те веса не имеют, а являют собой основания Мироздания. *Ученые открыли три вида нейтрино. Серьезная научная информаия. В обсуждении ее в Сети мне показались интересны два отзыва.* ***Галина Бондаренко:*** *«Всякая посредственность всегда опорочит то, что не входит в рамки её понимания»… И такое заявление прозвучало.* Евгений прозвище Могила***:*** ***«****Науку двигают только лишь те, кто может мыслить в разных ракурсах». Я как топограф смею сказать: в геодезии (и в артиллерии, в частности) существует метод засечек объекта с трех точек. Это очень надежный репер для заявы о трех видах нейтрино и о трех ракурсах. Разные ракурсы дают познать объемность и глубину явления.* Покоряя все возрасты и пространства, пронизывает совесть все наше бытие. Бессильны перед нею все препятствия. Законы, установления и декларации. В любой момент она мо-

жет куснуть человека. Как рысь, висит всегда на загривке его. И если говорить о ней в связи с писательскими делами, то есть для меня лично читатель-совесть. Не могу избавиться от присутствия его даже в моем кабинете. Ходит он маятно будто б по комнате. На балкон выйдет. Не покурить (кажется, он не курит). Ждет просто. Вновь вернется назад. Ожидает, когда я ему приуготовленный какой-то кусок прочитаю. Поэтому и тревожусь. Неизбывно живет во мне этот вопрос: «А что скажет Валентин Распутин?» Хотя мне интересно знать, что скажет о романе и Оскар Хабиденов (самое то ему теперь жить в моем романе) *помнишь, друже, как сочинили мы дуэтно: «Ходили чаши по рукам в день именин Оскара»,* что помыслят в лесостепном Приишимье, там, где вырастали, как березовые колки, ранние мои очерки и рассказы, его земляки, генерал ветеринарных дел Сергей Васильевич Деркач со свет-Катериной. Надевал я его фурагу с приговором: Тяжела-то шапка Мономаха, удержать не просто… А талантливый рыночник на крестьянской ниве Владимир Леонидович Ташланов, демократичнейшая душа и умница Владимир Иванович Барабанщиков. И Витя Курочкин еще, являющий собой эпоху «Аннушек». Только Курочкину с его отзывчивостью на боли всего живого доверяли возить цыплят. Он это гонялся за полярным сиянием на Ямале, и он повторил полет Чкалова под мостом через Иртыш у Тобольска. И ему за успехи Ишимского аэроклуба жал руку сам легендарный Покрышкин. Пошутил тогда Курочкин: «Неделю

руку не буду мыть».

– Атлёт! – восхищенно сказал прославленный летчик. *Это прекрасный финал шутки. Бывает же не до шуток после шуток. Вот реальный факт из жизни. Развод с женой по-быстрому? Нет ничего проще! Этот любитель внезапных и весьма сомнительных шуток добился разрыва отношений очень быстро. Нет, он не тратил свои нервы, доводя семейные ссоры до апогея, и не зевал часами в кабинете юриста. Все, что он сделал, – это подкрался на своем автомобиле к взятому на буксир грузовику и разбудил задремавшую жену криками «Черт!!! Эта фура летит прямо на нас!» Перченая шутка стоила этому парню кольца. И пары передних зубов в придачу…*

Будто легкий ветер, шумит мотор, и в моем сознании вспыхивает, как взял меня Витя Курочкин в полет на спортивном самолетике ЯК-52.

И кувыркались мы с ним, как голуби-турпаны над Ишимом, над тысячеозерьем здешней лесостепи. Крутую музыку завел пилот Курочкин для друга-писателя. И выделывали мы фиоритуры в небесах, исполняя «абракадабру». *Это славно, громадьяне. Но когда встречаешь подобное в литературе, в заумных творениях критиков, дрожь с холодком охватывают позвоночный столб, судите сами: «Обеспеченность литературной формы духом аксиологии своего народа, исповедальностью и ответственностью художника перед высшими силами и самим собой обеспечивают органику*

бытования канонических форм за пределами поэтики художественной модальности, которой, вопреки утверждениям исследователей (Н. В. Цимбалистенко), нет в культуре творчества первого послевоенного поколения ненцев и ханты. Защищая свою среду обитания, писатели защищают богов своей природы и свою связь с этими богами, наличествующими в мире родных для них территорий». Бред наукообразия тут явно ***наличествует****, спору нет. Самое печальное, что процитирвал я тут своего товарища. Это он дал в мудрёной своей работе «Русский мир в отечественной литературе: этнофилологический аспект». Читаешь ее, и волосы дыбом встают. Думаешь, что голимый дурак ты, коль не разумеешь такую НАУКУ. Истинно, абракадабра.*

Фигура это высшего пилотажа – во всех допустимых плоскостях, тут и штопор, и петля, и полупетля, и бочки правая и левая, и переворот через крыло, и поворот по вертикали, и перевернутый полет, и обратный штопор, и петля с бочкой, и бочка на тангенсе в 45 градусов, и бочка на снижение. Шли затем строго по нитке, не делая крена. Потом Витя энергично брал ручку на себя, и мы без задира взмывали вверх, выдерживая края на вираже. Думала нога пилота при вращении бочки на ноже. Потрясающим был коэффициент моего обалдения. Колесом крутились и переворачивались перед моими глазами вокзал, элеватор, центральная городская улица Карла Маркса с трехрядьем яблонь-кислиц по сторонам.

По этой улице *по призвучию из хабаровского детства* –

Курлы-Мурлы я ехал на свадьбу свою. Здесь сфотографировался на экран моего зрения хвост пролетающей в окрестностях Земли кометы Галлея, которая летела и над головой Канта.

ПРИМЕР КАНТА

И напрасно ссылаться на пример Канта, никуда не выезжавшего, ничего не осматривавшего, не делавшего туристических заметок, не оставившего дневника путешественника, не делившегося с друзьями впечатлениями об увиденном, не составлявшего альбомы зарисовок. Фотография тогда еще не родилась, хотя уже родился Дагер, но если бы эти двое поспешили, ничего бы не изменилось. Кант все равно не сделал бы себе имени великого путешественника, и даже путешественником его было бы трудно назвать. Возможно, он совершал недолгие прогулки за городом, но этого мало, чтобы отнести человека к разряду путешественников. Слышал ли он во время одной из своих прогулок по берегу Балтийского моря крик? Слышал ли он вообще крики? Или его слух был настроен только на шепот, подобно тому, как его зрение было настроено на темноту, где он видел столько, сколько обычному человеку не увидеть и днем? О том, что он наблюдал комету Галлея, нет никаких сведений, хотя вероятность этого велика, ему было уже за тридцать, и он вполне мог испытывать интерес к небесным явлениям, подражая в этом своему сверстнику Иоганну Паличу. Неподражаемый Кант подражает крестьянину Пали-

*чу! Мог ли он подражать кому бы то ни было? Очень сомнительно. И лучше оставить эту гипотезу, приняв за факт, что Кант никогда не наблюдал комету Галлея, хотя она в течение трех дней стояла, висела, летела у него над головой. (*Дюринг Евгений***.** ***След в след С. Беккету****).*

И церковь еще, собор, мэрия, квадраты жилых кварталов, пушки в военном городке, лента Ишима, зеркала озер. В вертикаль восстала водная гладь одного из них с карасем-городом очертаниями, совсем не случайно попавшим в герб его. Сартикулировалось в тот момент в моем сознании: «И уже вертикальны воды», встал на ребро будто знаемый мною Тихий океан в Апокалипсисе, опрокинулся в вертикаль, как у стартующей в космос ракеты, огненный хвост Галлеи в картинке сознания. Внутренности мои то опускались, то вдавливались в грудную клетку, то я их просто не чувствовал. В какой-то момент мы по вертикали поползли вверх. Вдруг словно оборвалось что-то: я перестал слышать натужный гул мотора. Стало тихо-тихо, у меня, кажется, исчез вес, я завис и стал будто б бесплотный, как ангел. Потом были свистящий штопор и бочка на птичьей уже высоте, после которой мы перешли в парящий полет и ощутил я себя чайкой. Плыл какой-то безмолвной музыкой, пела каждая клетка моего тела, и время вроде бы остановилось. Подобное почувствовал в себе и за штурвалом «тушки» некогда: я будто, превзойдя всевышнего, рулил временем и Эвклидовой геометрией и вьяви жил в биокомпьютерном будущем человечества. Дал

тогда мне друг Володя Джугашвили, светлая ему память, порулить лайнером из левого кресла, а шли мы в полете большим кругом: Тюмень-Москва-Ухта-Ягельный-Тюмень…

Как не сказать о замечательном выученике Курочкина чемпионе мира по самолетному спорту Саше Мякишеве. Его слово о моей книге тоже будет знаковым: кто знает цену святому труду, тот знает и цену литературе. А «привычку к труду благородную» впитал он в свой кровоток с детства. Это естество его деревенское. Деревня на труде стоит, из труда и растет она. Отец у Саши был трактористом, то покосы, то пахота, все в поле. Поэтому мать сына в сельхозтехникум Ишимский за ручку, можно сказать, привела. А что в авиацию попал, то тут случилось по О Генри, который мудро сказал когда-то: «Не мы выбираем дороги, а они нас». В школе учился – так у парнишки было. Пришел домой. Первая задача – воды натаскать. А до колонки, он как-то замерял, 800 метров. Две фляги берешь, надо ж напоить корову, быка, овец и теленка…

А помимо названных сонмы еще людей в Ишимской лесостепи ждут моей книги. И думаю я: достучусь ли до них? Но – Распутин. Большой художник. Совесть России. Что скажет Распутин? (Хоть латинизируй это трехсловье, как крылатую ныне вопросность теледопросителя сотен «персон» Анатолия Омельчука *Arent Omeltchuk Если б спросил Омельчук, я бы именно такой, «первозванный» термин употребил).* И действительно, что? И мог бы он спросить, чего, мол,

это вы, Александр Петрович, забеспокоились? Совесть нечиста, что ли? Я ответил бы: «Была бы спина, вина всегда найдется». *«Тем грустнее вредное смешивание вины и беды, что различать эти две вещи очень легко»* ***(Чернышевский, Русский человек на rendez-vous).*** И спросил бы в свою очередь: «Историю, а верней анекдот, который, говорят, очень любил Василь Макарыч Шукшин, знаете, Валентин Григорьевич?» И прозвучало б ответ: «Что же это за история-анекдот?» «Извольте». А я рассказал бы его, хоть уверен, что он-то знает, но тут случай такой, что не лишне его вспомнить еще раз.

Идет заседание суда. Судят какого-то мужика. Прокурор сурово выложил про его вину. Потом, в подхлест ему давай судья понужать мужика. Ну, чисто как Ипполит Кириллович в «Братьях Карамазовых», когда сотрясался он в обвинительной речи нервной дрожью, считая ее за chef d'ceuvr, за лебединую песнь свою. Такой, мол, ты сякой, разъедришкин, так твою мать. Так было в те времена, когда, по-фонвизински, была «так юстиция строга, что кто кого смога, так тот того в рога». И выносили помпадуры, живописанные Салтыковым-Щедриным, загадочные приговоры в таком роде примерно: «Нет, не виновен, но не заслуживает снисхожденья». И вдруг в зал судебного заседания входит одна старушка. Бледная такая, скукоженная, помятая, изжульканная, как рубль, зажатый в руке умирающего с похмела бомжа *человека живущего в пространстве*, и с поношенным таким лицом,

если уж честно довершать ее представление. Идет это совершенно истасканное существо – часто встречаю такое на родной улице Холодильной – как старая морская швабра на допотопном судне (это пираты Аденского залива не «швабрят», новье с электроникой их посудины), прямо в первый ряд. Тут судья останавливает старушенцию, схмурил брови и вопрошает грозно, словно собирается ее прибить, как часто это звучит у судейских: «Вы кто такая?» «Совесть», – отвечает она тихим бескровным голосом. «Чья совесть?» – вопрошают ее грозные очи. «Его», – отвечает старушка и показывает рукой в сторону подсудимого. «Посторонним тут нельзя, бабушка», – смягчившись на момент, говорит судья, собираясь уж и предложить ей присесть. Но не на таковскую напал. Нахально так, как судье кажется, смотрит на него случайная гостья. «Освободите помещение!», – приказывает ей, начиная вскипать, судья. Старушка все также тихо говорит: «А я и ваша совесть». Ясно и понятно, громадьяне?

Вернусь, однако, к русисту нашему Оскару Хабиденову и прозвучавшему на интернет-холме про ненавистное мне понятие. Так скажу я по реченью Оскара, что мне, сиволапому, только и не хватало такой политграмоты, какой пришлось внимать, насчет жлоба. А судит о нем Александр Зеличенко просто и доходчиво. Жлобами он называет тех, у кого преобладают личные мотивы. Жлобы, по политграмоте Зеличенко, не делают революции, их делают революционеры. *У Владимира Ильича Ленина был в роду один еврей,*

но вождь наш мало или почти не придавал этому значения. Для него звучало как национальность одно: ***революционеры.*** Участие жлобов в этом деле ограничивается только утаскиванием из разграбленной помещичьей усадьбы бархатных штор на платье жене *а карателями на Украине – ценных вещей из квартир в Донбассе. Оттуда же угоняли они на воровские рынки легковые автомобили…* Но все это – дорога в никуда. Верно ведь и глубоко, Саша. Но дале. А вот «честное государство», или «доброе государство», или «честное и доброе государство» годились бы. Точно, согласен. И такие идеи в среде сегодняшней оппозиции тоже есть. Но они пока только-только начинают просверкивать. Их оппозиции еще предстоит осознать. Ничего не скажешь: мудрые ребята выступают на интернет-холме. Ибо приходит время засучивать рукава и созидать, воткнув штыки в землю, – пахать, сеять, веять, строить, плотничать и прочее, но революционеры не у дел оказываются. *И чего революционерить ныне, когда Президент наш В. В. Путин свершил самый гениальный, может быть, политический, государственный ход: жестко и решительно заявил, что* ***медицина и образование в России будут бесплатными.*** *А это ведь то завоевание социализма в СССР, чему завидовали во всём мире… Думаю теперь о будущем внука-десятиклассника Илюши, что, слава богу, не придется ему, оставшемуся без отца, Сереженьки нашего, безвременно покинувшего во цвете лет этот мир, платить за учебу в университете. И две у нас с женой ны-*

не заботушки: судьба внука и возможность поскорее сделать памятник сыну. Полтора года прошло после его скоропостижной смерти, а Нинуля моя почти каждый день плачет, я же держась тверже, по-мужски каждодневно осознаю, как нелепо это и неестественно, противу природы, когда родители хоронят детей… Как бомжи политические: нет у них места жизни. Зато они «профессиональные патриоты», а это вам не фунт изюму. беспартийный *дал в Сети такой отзыв: «Ну надо же, Удальцов революционером себя объявил! Ну конечно, бабки-то отрабатывать надо! Нашел себе занятие по-жизни – народ баламутить, чем не заработки! Нашим сегодняшним пенсионерам такие и не снились! Лучше бы на благо Родины поехал в Сибирь, город построил, добычу и переработку чего-нибудь затеял. А так, на публику работать, спина-то не гнется, а язык – без костей. Тьфу!»* Вопрос серьезный. Видится человеку, ввязавшемуся в дискуссию, будущее революционера, «профессионального патриота» в труде на необъятных пространствах России. Там, скажем о том, где нашли себя и декабристы. На Сенатской же площади революционность, оппозиционность, протестность этой молодой поросли России не равна была их уму и вселенской предназначенности. А в литературе что?

Литература в оптике В. Огрызко и «Лит. России»…

Общаюсь с главным редактором «Литературной России» Вячеславом Огрызко. Товарищ наш классный, он в критике – беспощадный Базаров, не дай бог попасть под его скальпель. Другого такого я не знаю. Слава Огрызко знает это. *ОГРЫЗКО. Истоки фамилии. Несмотря на свою очевидность, Огрызко, Огрызков, Огрызлов – фамилии не с одним значением. Бытовали прозвища Огрызко, Огрызок со значением «остаток, кусок чего-либо». Их могли получить либо нищие, питающиеся подаянием с чужих столов, либо выделенные из семьи за провинность на выселки. В других говорах, например, на Вологодчине, Огрызок – это тщедушный, низкорослый слабак, а в Смоленске так дразнили сварливого несговорчивого человека. Это вполне соответствовало другому прозвищу – Огрыза: грубиян, вечно всем недовольный, резкий, огрызающийся. Первые Огрызы превратились в Огрызовых, Огрызиных, Огрызинских. (Источник: «Энциклопедия русских фамилий. Тайны происхождения и значения.» Ведина Т. Ф., М.: АСТ, 2008.)* Препарирует писателей Огрызко так, как что инда мороз по коже прохватит, подумаешь когда, что сам можешь попасть под нож его. Созвучен товарищ мой с виртуальным неким Малютой Скуратовым в отечественной литературе, что не может не внушать

страха любому словеснику. Скажешь лишь тут, реминисцируя с Некрасовым:

В мире есть царь,
Этот царь беспощаден,
Огрызко названье ему…

Не раз убеждался я в том, что к генетике своей в прибавку имеет Огрызко доступ к «досье» разным и спецархивам, какими известен резидент «красной паутины» Александр Байгушев, но на этот счет домысливать ничего не буду.

Итак, общение с Огрызко.

– Пользуюсь случаем, Вячеслав Вячеславович, что ты в Тюмени, побывал в Тобольске. Ты – в Западной Сибири, где ныне – пассионарная вершина мира. Ты побывал на презентации «Сибирской книги» Омельчука. Ты – в пекле творческой жизни. Обращаюсь к тебе как столичному **критику-эксперту:** «Изрони золотое слово со слезою смешанное, в Литературный манифест Автора, пронизывающий так или иначе мой «Дом под звездами». Будем исходить из того, что «у нас была великая литература», как это прокламирует «ЛР». Прошу принять во внимание и мою собственную позицию на этот счет. Я могу сказать об отечественной литературе на рубеже двух тысячелетий: ты и убогая, ты и великая. Итак, вопрос: «Что ты можешь сказать о литературе нашего времени? Какой видишь литературу XX1 века?»

Деконструкция: **долгоиграющий «эксперт».** Увильнул

от меня Огрызко по вполне извинительным обстоятельствам, жду от него ответа письмом уже в 2009 г. Но частичную экспертизу получил в свежем номере «Литературной России». Вячеслав издал Словарь «Кто сегодня делает литературу». Независимого обозревателя из Германии Юрия Осипова изумляет доскональное знание автором подноготной почти всех писателей, чьи имена сегодня на слуху. Выразительно и метко, в иных случаях прямо-таки пригвождая «подследственных», он словно булавкой нанизывает их в свой обширный и пестрый гербарий. Многоведущ и глубок критик, этот современный Карамзин, по представлению писателя из среды стратегических разведчиков Александра Байгушева. Итак, истинно в русском *наотмашь* разгуле своего критицизма:

«Гувернантка русского феминизма» (Мария Арбатова).

«Багаж из старых анекдотов» (Аркадий Арканов).

«Ошибка Твардовского» (Константин Ваншенкин).

«Бунт глянцевого персонажа» (Дмитрий Воденников).

«Не верьте подхалимам» (Владимир Гусев).

«Угадать партийный курс» (Леонид Зорин).

«Не докарабкавшись до вершин» (Владимир Костров).

«Человек с ружьем» (Андрей Немзер).

«Крамола смиренной послушницы» (Олеся Николаева).

«Игра в историю» (Эдвард Радзинский).

«Драйв и страсть казанской сорви-головы» (Анна Русс).

«Комсомольские активисты переквалифицировались

в психоаналитики» (Мария Юденич) и прочая, прочая. *Дарья Донцова первое место в рейтинге писателей. Базар-вокзал литературный.* Это второй выпуск Словаря, будет и третий. Из них можно извлечь очень нужный сегодня указатель: что сегодня нужно читать, что не читать и как читать. Туда, может быть, войдет и обойма: Акунин, Гришковец, Лимонов, Мамлеев, Пелевин, Петрушевская, Садур, Сорокин, Толстая, Улицкая, Шишкин, съединенные интервью журналистки Кристины Роткирх в ее книге «Одиннадцать бесед о русской прозе» (2009). Печально воспринимаю я заявленное в ней Шишкиным: «Все мы живем не в своих словах…» *Когда слова утрачивают свое значение, народ утрачивает свою свободу.* ***Конфуций*** *(версия перевода Ф. А. фон Хайека).* Хотя родиной из Слова. Но кто мы тогда? И кто есть кто в родном своем слове? М-да, не в своих санях – еще куда ни шло… *Говорить хорошо, когда за словами* счастье*, когда* слова *льются легко и свободно. А когда* человек *несчастлив, могут ли помочь ему такие неверные, ненадежные* вещи*, как слова? От них только тяжелее*. Эрих Мария Ремарк. Возвращение. На первый вопрос, о литературе нашего времени, ответ как бы получен. Остался второй. Ждем-с, Вячеслав Вячеславович. Получится – до морковкиного заговенья – так тому и быть.

Ура-а! Получилось. Огрызко вновь в Тюмени, прибыл как эксперт на телевизионный смотр. Все завершилось, на этот раз «сессия» прошла в нефтяном Увате. Заловил Вячесла-

ва. И вот в кабинетике зама телевизионного головы нашего Омельчука Светланы Назаровой. Она деликатно оставила нас, пригласив располагаться на диване. Я ж подставил диктофон мэтру-эксперту, слушаю моложавого в модной стрижке (готовили к эфиру и мастер-классу знатно) Огрызко:

– Ближайшие несколько десятилетий ожидать, что наша литература будет все также великая – это немножко самонадеянно. Будет готовиться поле для подъема ее, следующего взлета. Сейчас будут отдельные какие-то проблески, отдельные явления. Почему мы говорим, что в прошлом была великая литература? Потому что общество было уже во многом оторвано от культуры и в среднем было достаточно малообразованным. Насаждались ложные идеалы и в плане идеологии и в плане литературы и т. д. Ведь практически у нас люди не знали ни настоящей истории, ни настоящей философии. Знающих были единицы. И выросло несколько поколений, для которых шкала ценностей была с ног на голову перевернута.

– О смуте времен Перестройки только и скажешь, как и о Великой Отечественной войне как о времени «воющего набата».

– Считалось, что если человек занимает должность в руководстве Союзом Писателей как Георгий Мокеевич Марков там или Юрий Васильевич Бондарев, их книги и есть самая высокая и настоящая литература. На этой литературе как бы воспитывались. И что же мы после этого хотим?

– Ты прав, Вячеслав Вячеславович. Секретарская литература была фактом, яркий в этом плане тот же Вадим Кожевников. Я давно уже означил такие писания для себя чисто художественно как буйно цветущий в годы социализма осот на поле социалистического реализма, питательная среда этого – бюрократия, пронизавшая сверху донизу государство. Можно, язвя, назвать ее улялюмом чиновников.

– Ничего путного сейчас ждать не стоит. Сначала нужно изменить уровень общества, его сознание, шкалу ценностей, тогда действительно можно будет говорить о каком-то новом взлете. А сейчас мы имеем дело с малообразованными людьми, достаточно поверхностными. Для журналистики это, может быть, и сойдет. Но не для литературы. Зачастую пишут книги люди, которые претендуют считаться как бы совестью народа, исходя из ложных посылок: отталкиваются от проблемы. Проблемы действительно все важные. Плохо с экономикой там, плохо с нравственностью, плохо с сельским хозяйством и пр. Но при чем здесь литература? Не об этом же должно быть в ней, о том, что у нас плохо сеют там или пашут или плохо коровники строят. Этим пусть занимаются газеты, телевидение. Я даже не говорю сейчас о других вещах, о том, что безусловно будут какие-то новые формы. Соединение, например, литературы с телевидением *роман-сайт, положим*. Да мало ли чего еще. Новой «Войны и мира», однако, по определению уже не будет. *Это естественно, Вячеслав Вячеславович, фронтир же, с какого*

человечество стартует в биокомпьютерное будущее. Потому хотя бы, что четыре тома сегодня никто не осилит.

– Мы не можем «Пирамиду» Леонова осилить. Я ее два года читал.

– О чем и речь. Должно быть нечто другое. Что это будет, аудиовизуальное нечто? Тексты, может, которые будут сочетать в себе и типографские способы, и аудиозаписи, видеоряд. *Подобные книги выпускает ныне прекрасный наш родиновед, дерзающий тюменский письменник и телевизи онщик Анатолий Омельчук. Называет все это ПРОЕКТАМИ.* Делают попытки некоторые. Вознесенский, к примеру. Он пытается идти в ногу с прогрессом. Но пока есть форма, но нет души.

– На мой взгляд, Слава, прорыва можно ждать на путях резкого сближения «физики» и «лирики». Это то, что я говорю обществу в новом моем романе: науку во главу угла!

– Это повторение 60-ых годов и ничего хорошего не даст.

– Нет-нет, тут содержание по сближению двух сфер другое, и мы на дискуссию отвлекаться не будем.

– Я не знаю, что это будет. Мифологический какой-то космос, продемонстрированный в поэзии, например, Юрием Кузнецовым. Парадокс, но в поэзии мы действительно имеем какой-то прорыв. Будущее в ней связано с именем Юрия Кузнецова, который обозначил какие-то вехи. В прозе такого прорывного не произошло, потому что, допустим, тот же Леонид Максимыч Леонов, он уловил какие-то мно-

гие важные существенные идеи, не до конца даже нами понятые, но…

– Счеты как-то сводил он со сталинизмом, когда это стало уже безопасно. *Сталин, однако, в фаворе сейчас. И славословия ему не насаждаются с верхов, а идут как бы из недр народных. Массы так же могут заблуждаться, как и вожди. У Маркеса о подобном же самодержце. Судите сами, громадьяне, хорошо это или плохо: «Когда его оставили наедине с отечеством и властью, он решил, что не стоит портить себе кровь крючкотворными писаными законами, и стал править страной как Бог на душу положит, и стал вездесущ и непререкаем, проявляя на вершинах власти осмотрительность скалолаза и в то же время невероятную для своего возраста прыть, и вечно был осажден толпой прокаженных слепых и паралитиков, которые вымаливали у него щепотку соли, ибо считалось, что в его руках она становится целительной, и был окружен сонмищем дипломированных политиканов, наглых пройдох и подхалимов, провозглашавших его коррехидором землетрясений, небесных знамений, високосных годов и прочих ошибок Господа…» Сталину, однако, отдают и Сталиново.*

В Чечне 23 февраля вспоминают жертв депортации чеченцев в 1944 году. Глава республики Рамзан Кадыров почтил их память на своей странице в Instagram.

«Сегодня во всей Чечне поминают именно жертв депортации. Мы не забудем трагическое прошлое, чтобы оно ни-

когда не повторилось! Да смилостивится Аллах над всеми, кто остался лежать в бескрайних степях Казахстана, Средней Азии, а также в Сибири!» – написал он.

Кадыров добавил, что ответственность за депортацию жителей Чечни и Ингушетии лежит на Иосифе Сталине и Лаврентии Берии.

«Семьдесят два года назад Иосиф Сталин депортировал чеченский и ингушский народы. Операцией руководил Лаврентий Берия. И да будут они оба прокляты во веки веков!» – написал он.

Кадыров также напомнил о необходимости вспоминать героев и отдавать им дань уважения, а также пообещал не забывать трагическое прошлое своего народа.

– При всем том образе его писательской жизни и другие вопросы возникают. Он всю жизнь осторожничал. Те предыдущие его книги, увы, сегодня уже не востребованы. Они скушны. Какие-то книги вторичны. А ведь он великий мастер. Сгубили Леонова две вещи. Сверхосторожность и то, что, видимо, он так и не нашел своего героя. «Русский лес» – это все-таки книга о проблемах. Ведь не зря некоторые остряки еще тогда шутили: «Сколько леса он этим романом сгубил на производство бумаги для издания его многомиллионными тиражами!» Кто сегодня помнит, о ком и о чем это у него?

– Я фамилии героев не помню.

– Но ждать литературного взрыва, что это прямо сего-

дня случится, практически бесперспективно. ***Андрей Гусев:*** *У русской литературы великое прошлое, тоскливое настоящее и, как это ни печально, туманное будущее.*

– Два молодых эксперта «Литературной России», Беляков и Рудалев вели диалогически недавно разговор о современной литературе. И вот один из них заявил под занавес дискуссии, что может неожиданно случиться чудо с новым сочинением, которое взволнует общественность. И это будет или новый автор или, скорее всего, со стажем уже, но прежде мало известный. Ждут твои эксперты прорыва. *Но о Рудалеве, Об одном из двух, что сердцем исследуют современную литературу. Рудалев мне нравится. Но вот его анализ Федора Абрамова. Староверка Соломея из рассказа писателя. Глубокодонная героиня из недр жизни, для которой, по мысли критика. «слово всегда оставалось высшей аксиологической категорией»…*

– Все ждут прорыва. Но это не значит, что он случится завтра.

Сошлись с Огрызко на послезавтра.

– Для меня знаковый Деррида, – мое уже звучит, – блестящий представитель постмодерна. Я лично вижу такой роман будущего, какой прокламировали он и другие мыслители. Роман, открытый в бесконечность. По пушкински: такой, где есть «даль свободного романа». *А дали не имеют конца, и потому токмо конёк-горбунок мой в писательстве – деконструкции, делают мой роман бесконечным, как Вселен-*

ная. Шлегель писал, Слава, что роман – изначальная форма романтической поэзии, что это – смешение форм. Я кровью, как может воспринять свободу раб, впитал в себя его мысль, что эта форма являет собой свободу от всех оков, неизбежных в поэзии в собственном смысле этого слова. Пережил в себе и могу сказать, что роман – форма бесстрашия. *Не все, однако, готовы броситься на амбразуру. Да и вообще настрой бывает всякий. Идиллический, к примеру, в котором пребывает немало письменников, отводя душу в откликах разных в социальных сетях. Вот Фейсбук, из мирного течения писательской жизни.*

Весеннее

Петр Алешкин, *поместив ряд снимков*.

В Москве на газонах траву пора косить, деревья вовсю зеленеют, а в Подмосковье, особенно у нас на Северо-Западе, в субботу ещё кое-где не растаял лёд возле домов.

У меня на даче вторую неделю цветет волчье лыко, зацвёл кустарник ещё на снегу. Цветут крокусы, мать-и-мачеха и ещё какие-то синенькие цветочки. Как зовут, не знаю.

В субботу сажал разные овощи, а возле меня всё время крутилась какая-то птичка, пыталась помочь, временами пела мне свои удивительные песни. Совершенно не опасалась, бегала по грядкам в метре от меня.

Людмила Щипахина. Как хорошо! Славно… Спокойно…

Вера Куприянова. Это незабудочки у Вас первые (синенькие, лесные красавицы). Поторопились к Вам, добрым лю-

дям скорее прорасти, чтобы не забыть Вас никогда.

Да-да, роман – форма бесстрашия. Я лично, по крайней мере, вижу это именно так. Таким вижу роман в стихах «Евгений Онегин». Вдохновение – это ведь устремление воли, когда такой порыв в себе ты таишь, что способен лететь без крыл. Та же реминисценция позволяет в любой момент выпорхнуть из заданности сюжета, когда ты СВОБОДЕН. *И не беспокоишься, что не найдешь читателя. Читатель же, по Барту, это то пространство, где запечатляются все до единой цитаты, из которых слагается письмо; текст обретает единство не в происхождении, а в предназначении… Читатель – некто, сводящий воедино все те штрихи, что образуют… текст. Добавлю: если говорить о русском, перерастающем себя читателе: в нем живет ментальность русского народа, ищущего правды и только правды и не могущему жить без правды. Сегодня тем более, когда мы в «межцарствие» эпох низвергнуты, от социализма ушли и к капитализму не пришли. Никто не знает, что есть добро и зло, если он сам не есть созидающий (Ницше). Проблема, если поставить ее бескомпромиссно, в одном: есть ДЕЛАТЕЛИ и КРИВОСЛОВЫ. Понятно, кто ближе к истине…* Так поэт-златник Вячеслав Иванов восклицал:

Он нужен, одинокий пыл
Неразделенного порыва!

– Все формы нужны, – сказал Огрызко. – Если их не будет, прекратится развитие. Другое дело, что не может превалировать одна форма. Постмодернистские приемы и постмодернизм десять лет устойчиво определяли литературные наши события. Но прорыва все равно не случилось.

В кабинет заглянула озабоченная Светлана Назарова, подсказала, что нужно уже уезжать в аэропорт, а то можно опоздать на рейс. Эксперт мой заторопился и свернул, извинившись, разговор.

– Один вопрос, Слава. Не находишь ли ты, что многие романы, если говорить о них, герметичны, закрытые они? До того закупорены в местечковость проблемы, места и сферы действия, в утилитарность, что дальше некуда. Тесно в них и писателю, и читателю. *Истинно так. Не в бровь, а в глаз прозвучало это у Вячеслава Сухнева: «Мы живем в эпошку болотной литературы, когда вершины еще затянуты туманом и дождём. На осмысление наших гомеопатических достижений нужно время. А его-то и нет…»* Отчего вырвался в «даль свободного романа» Пушкин и другим лыжню проложил? Токмо оттого.

Жить и сгорать у всех в обычае,
Но жизнь тогда лишь обессмертишь,
Когда ей к свету и величью
Своею жертвой путь прочертишь.

Б. Пастернак

Урезанный какой-то, кастрированный мир, и очень это угнетает, когда тусуется в конкурсах разных одна и та же колода карт. Прорывный писатель – белая ворона. Оттого много ощущается в такой литературе от мерина и меринов. По нашим особенно космическим временам.

Будто не вселенские мы, не из Млечного пути, не из Солнечной ситемы и даже не с планеты Земля. В бочке, сброшенной где-то в веси *как в пушкинской сказке, чтоб болталась она по морям, по волнам…* Селедочное нечто. Затоваренная бочкотара, если язвить до разгула.

Не мог не вспомнить я Достоевского, и вспомнил, конечно, Федора Михайловича, смешного его человека («Записки из подполья»), который задумался, поставив себя в такую необычную ситуацию Жил он, положим, на Луне или на Марсе. Свершил там срамной и бесчестный поступок. Поруган был, обесчещен так, что полыхался во сне даже. Кошмары его терзали. И попал вдруг на Землю. И спрашивает писатель (свои же собственные слова вложил Федор Михайлович в уста смешному человеку): «Продолжал бы я сохранять сознание о том, что сделал на другой планете, и, кроме того, знал бы, что уже туда ни за что и никогда не вернусь, то, смотря с земли на Луну, – было бы мне **все равно** или нет? Ощутил ли бы я за тот поступок стыд или нет?» Лично для меня, который носит с собой всегда флешку, сознавая,

что там готовый практически роман «Дом под звездами», это вопрос не досужий. Мне бы в своем Доме было стыдно везде. Но это просквозило все в мыслях. В реальности я слушал Огрызко:

– Это уже все производные. Можно говорить о других каких-то частностях литературного процесса. О той же герметичности, о скудости ума и так далее. Основные магистрали мы с вами наметили. Мне пора.

– Отталкивались же от великой литературы, что у нас была. Наши предшественники вырастили русский язык, как сказал об этом Андрей Платонов, и не может этот лес *что шумит как спелое золотое поле* не продолжать свою полнокровную жизнь и в новом веке.

Огрызко согласно кивнул головой. Я пожелал товарищу хорошего полета.

Услышал он от меня и чисто летчицкое пожелание: чтоб число взлетов совпадало с числом посадок.

– Все, Александр Петрович, спасибо вам большое!

Под сурдинку с Огрызко дам и другого критика. Делая обзор литературы за 2012 год в «Лит. России», Алексей Татаринов находит, что пространство, где проявляет себя герой нынешний, в лучшем случае город. «Лимоновский Фауст зажат в промышленном районе стенами съемной квартиры… Чешется от аллергии офисный работник, попавший в цветущий сад, выращенный в романе Бояшова. Сидение в интернет-пространстве распространяет чуму нового типа – про-

клятие победившего урбанизма в трилере Иванова. Без цели и чувств ходит по улицам неназванного города безымянный герой, скучающий в любой точке мироздания» («Описание города» Д. Данилова)». Так прозябает в Лондоне беглый олигарх, ум которого охвачен скукой и апатией. Готов он улететь в космос, чтобы глянуть оттуда на «жалкую Землю».

Я так думаю по поводу одиозного этого господина, что улетел бы он подальше куда в какое-нибудь созвездие, чтоб не мозолила глаза ему планета-родина. Даю на ум ББ авторитетную заяву Джордано Бруно: «Есть без счета других Солнц и других Земель, обращающихся вокруг своих Солнц. Во Вселенной не счесть миров не хуже нашего и не менее населенных». Олигархов там, может, не хватает, как Жерара Депардье России. Но вновь слово критику: «В московских судорогах корчится грешная власть в романах Терехова и Козлова. В городе растет и крепнет дикий алкаголизм, оказывающийся главной и единственной волевой персоной в романе В. Попова «Плясать досмерти». Ну, и далее, выхватывая знаковое: «До трагедии в минувшем году никто не возвысился»; «Пожирать мир через женское тело – нормально, но хоть раз бы сердце героя загорелось огнем смертельной утраты!»; «Ушедший год – без героя, будто слизала его корова языком очередного апокалипсиса, рожденного в головах кислых журналистов». О «литературоподобном тексте» и славословиях «святомученику Иосифу», естественно, Сталину, говорить не будем… *О кинематографе вообще помол-*

чим. Вот презентация фильма «Метро», отзывы в Сети говорят сами за себя: «Этим звездам следовало бы спуститься в канализацию потому, что все российские фильмы реально катастрофы»; «Так глядишь и на земле окажутся, а то наверное уже и подзабыли какая она, РОДИНА…»

Наша Родина самая лучшая
И богатая самая.

Светлана Сырнева

Снова родину – вижу – малую,
Словно в космосе, необжитую.
Кто ломал её, кто обманывал
Мою родину, в лёт убитую?
Где преступники хитроумные,
Что смели её и скукожили?
Где правители полоумные
Что село моё уничтожили?
Не звенит оно, не осанится,
Не духмянится над покосами.
Сатанинский след в поле тянется
Не затянется светом-росами.
Ой, поля мои светлолицые,
Вы богатыми были самыми!
И гречихою, и пшеницею
В мире славились за Саянами.
Простиралась даль неоглядная,
де подсолнухи зрели жёлтые.
И стада коров благодатные

К дому с пастбища шли тяжёлые.
…Нынче мрёт земля убиенная,
Вся покрытая белым саваном.
Ой, ты, родина, моя бедная
И несчастная в мире самая…
В темноте глухой ей не дышится
Столько силушки в тьму уронено.
– Возродись-родись! —
В далях слышится, —
Всевеликая наша Родина!

Владимир Скиф

Чего не хватает нашей литературе? Пространства и созидательного труда. *По чисто Авторскому произволу выделяю это жирным.*

В разгар Перестройки жгуче-пламенно звучал призыв: «Больше света!» *А человеку нужен свет. Человек должен жить на ярком, постоянном, беспощадном свету так, чтобы каждая тень была определенной, отчетливой, самобытной и неповторимой: тень его собственной личной чистоты или подлости. Все зло человечества рождалось в темноте, во мраке, там, где человека не преследует по пятам тень его собственной подлости (**Уильям Фолкнер. Особняк**).* Ныне, пожалуй, более актуален другой клич: «Больше пространства!» *Да-да, писать так ныне потребно, чтобы Россией, наконец, повеяло, всемилой нашей Родиной. ветрами Балтики и Тихого океана. Северного Ледовитого и Пами-*

ра. А грезить о нобелевской премии – что ж, мечтать никому не возбраняется. Валерий Семенов *мудро заявил в Сети:* ***Время расставит всех нас, писателей и читателей по полочкам, по файлам, по флешкам, по помойкам…*** Именно пространств жаждали русские люди, что устремились на Восток по зову Столыпина. В великом пространстве Сибири свершали и свершают трудовой подвиг наши современники. «Белые пятна» пространств наполняет живым содержанием феерия искателей-натуралистов, о каких рассказываю я в этом своем романе. Сын соседского моего, покойного ныне дружка прекариат Стасик Больных, прослушав этот фрагмент, прореагировал весьма многозначительно: «Напиши, дядь Саша, что там, в Европах *литературных* – подобия людей, настоящие ж люди – за Уралом до океана». *И острей, чем когда-либо, сознаешь, что деяния на мирной ниве – то вечное и всеобъемлющее, что являет собой эволюционный стержень предназначенности «человеческого вещества» в природе, самой содержательности этого вида энергии. А то Люцифер в юбке. А если с тяпкой? Как герой романа «Соки земли» Кнута Гамсуна, что живет вместе с землёй и небом и составляет с ними одно с этой ширью и неподвижностью. Человек и природа не палят друг в друга из пушек как украинцы ныне, они воздают друг другу должное, не конкурируют, не состязаются ни в чём, они следуют друг за другом. Они рождаются и производят, они необходимы на земле, как писано об этом в книге. На зем-*

ле – нужно пахать. Человека можно оценить по делу. Так что мужуствуй, человек – паши! Революционерить – свергать? А если – творить. Читаю в «неизвестном дневнике бесстрашного солдата» Виктора Петровича Астафьева, который не осквернил сочинительством память свою о войне: «И если что о ней писать, то только так, как было… кувалда, которой я в свое время орудовал в литейном цехе, не брала столько здоровья и не выматывала так, как «легонькое» писательское перо. Но и, конечно же, ни одна работа не приносила мне столько счастья и восторга, как это литературное дело… А биографию надо написать. Пишут все и врут, либо нажимают на жалостливые и выигрышные моменты: «Тяжелое детство», «солдат», «рабочий», ай-люли, ай-люли, как мы его довели! Обрыдло все это. Так маскируют трагедию личности и литератора, значит, и всего общества, так охотно и поспешно теряющего нравственное и национальное достоинство… Даже единственную возможность – талант – и то нам не дают реализовать и употребить на пользу людям. Нас засупонивают все туже и туже. Мысль начинает работать вяло, покоряться. А чтобы творить, надо быть бунтарем… И жаль, что это ремесло невозможно бросить. Ей-богу, будь у меня побольше сил – бросил бы. В лес ушел бы и прожил остаток дней в радость себе. Неужели ж я не заслужил такой почести: жить хоть десяток лет для себя?! Неужели постоянно должен мучиться своими и чужими муками, никому ни-

чего не дающими, кроме новых мук?!..

Хочется с кем-то поговорить. А с кем? Живу я все же в чужом краю, с чужими людьми. А где они, родные-то? И Родина где? Овсянка? Это уже не моя родина, это лишь ее тень, напоминание и могилы, заросшие крапивой, без догляду и слез оставленные. Я только и плачу еще про себя обо всем – о Родине, и о могилках родных. А сколько их, слезто моих? Тут и моря мало, чтобы затопить все горе людское». Умный мужик, Родион Щедрин сказал о том, в переводе на мое мышление, что прежде всего любой художник – это собственное достоинство и внутренняя свобода. Тут можно говорить о Солженицыне, о Кабалевском, о Чехове (с его первоначальной постановкой «Чайки», которая была провалена) и о других. Не всегда понимали Чайковского и Щедрина. В случае с учеными равно мог бы зазвучать тут и «возмутитель спокойствия» Бембель, которому Автор заявил:

– Я тебе честно скажу, Роберт, что, будучи писателем, попытался основательно влезть в физику.

– Влез? Учился?

– Самоуком. Все о ней в Большой Советской энциклопедии проштудировал, проползал. Схемы атомов и молекул рисовал даже. Из гостиной к письменному столу с десяток томов энциклопедии стаскал. Ну, и еще много чего читал.

– Похвально.

– Беру быка за рога. Солнце мерзлое, Роберт?

– Интересно. Как ты дотумкал?

– С твоей подачи о нулевой температуре на солнечных пятнах. И еще компьютер помог. Задал я подобный же вопрос Интернету.

– И что? – вскинул брови Бембель.

– Пять ответов. Три к этому сходятся. Что со льдом оно, по крайней мере. Как Сатурн.

– Я знаю, что оно твердое. Исхожу из Ярковского и Гершеля. *В книге В. И. Вернадского «Научная мысль как планетное явление», которую я проштудировал лет тридцать назад и всю исчеркал пометами, я прочел, что вслед за Левенгуком с его открытиями микромира организмов «В. Гершель своими открытиями вскрыл мир, лежащий за пределами нашей Солнечной системы. Но только сейчас становится ясным, когда научная теория охватила научно установленные факты, что дело здесь не о простом отличии величин, а о совершенно отличном подходе нашего мыслительного аппарата к реальности в ее атомном и космическом аспектах».* Проанализировал я их, взвесил, и это оказалось очень убедительным с научной точки зрения. Есть у меня насчет твердости Солнца, Александр Петрович, и собственные аргументы. Я на офицера-артиллериста учился, осваивал баллистику. Экзамены сдавал. Так вот согласно теории баллистики, чтобы стрелять снарядом из пушки, надо иметь только твердый ствол. Не будет его – никакой снаряд не полетит. Толстая пушка почему? Казенник там… На него большая масса

давит – и вылетает заряд. Солнце только потому и стреляет протуберанцами, что есть у него «стволы». *Можно представить Солнце ежом с раскрытыми иголками, то есть многоствольной пушкой. Нет, совсем не зря электронировал я Цырину в Нью-Йорк, что Бембель – мирового класса ученый… Вдуматься только – чудо-то какое: Солнце и «пушки» … Приходит на ум реминисцентно сказочное:*

Пушки на море палят…

– Оттого и вулканы, жерла?

– Да-да, это стрельба *плевки его* из обыкновенной пушки. Есть твердое, они, заряды, и летят. Было б Солнце жидкое, были б брызги, как от каши. А это не брызги шампанского… Ту же Луну возьми. В 2011 году немецкие специалисты обработали космоснимки ее, сделанные с высоты 50 метров. Огромное число выходов геосолитонов бросается в глаза! Луна словно переболела оспой… *Прозвучало сейчас про* ***ствол*** *пушки, а ранее про солитонные* ***трубки****. Это же и* ***столбы.***

Столбы Мироздания

Долгие беседы вел с выдающимся ученым Робертом Бембелем Игорь Огнев, рассказывая о нем и его науке читателю. То же делаю я. В мартовском номере журнала «Сибирское богатство» в новом 2013 году открывает его прекрасная тюменская журналистка Людмила Барабанова. Соседствуют в нем мой рассказ о «герое нашего времени» Федотове и ее – о Бембеле, которого не исчерпать, потому что это – вселенная (впрочем, как и каждый человек). И не обойтись здесь без того, чтобы не заговорить о Сибири.

Что есть Сибирь?

Что за край!
Откройте атлас синий:
Вот лежит в короне нефтяной
Черная жемчужина России,
Область со страну величиной.
Оттого в названии Тюмень
Проступает ярче с каждым днем
Древнее заветное значенье:
Ведь «Тю-мень» – «сокровище моё»

Владимир Нечволода,
В дружеской версии Володан

Европа, переходящая в Азию через фронтир Урал-Кам-

ня. Та равнинная Евразия, где Россия – центральное «Солнце» ее (Н. Н. Алексеев). И Евразия именно являет собой особую часть света, особый континент, материковый размах, русскую широту, как отмечено это было в Евразийском манифесте (1926 г.). *Товарищ мой пермяк Игорь Тюленев вроде бы далек от политики, но зрит в корень:*

Шамбалу рифмуя с Беловодьем,
Ничего не бойся и не трусь.
Это Бога русского угодья,
Там, где в небо вытекает Русь.

Это мост в другой мир, восхождение в государство внутри человека. Надпись на фасаде церкви в Сен-Дени гласит, что «чувственной красоты душа возвышается к истинной красоте и от земли возносится к небесам». О том же у Гелдерлина:

Но нам подобает, о поэты,
Под божьей грозою стоять с головой непокрытой.
И луч отца, его свет ловить и скрытый в песне
Народу небесный дар приносить.

А формулировки его рождал патриарх евразийской теории и идеологии П. Н. Савицкий, к насыщению же и шлифовке приложили руку и ум почти все евразийцы-эмигранты. Подлинный евразиец, «Он до наивности прост и элемен-

тарен, как Л. Толстой, и вместе с тем сложен, изощрен и диалектичен, как Достоевский, и еще – хотя и редко – гармоничен, как Пушкин или Хомяков…» О Сибири говорить можно тьму. Сибирь – истинно золотое евразийское дно, золотое дно России она. На ней держалось теперь ее могущество.

Много беседовали мы с Федотовым в его кабинете однажды в ночные, можно сказать, послерабочие часы/ когда офис его размещался в центре города, на Минской. Стихало здание, стихал город, сияли в окно мириады звезд на небе. Не мог не привести Василий Петрович пророческих слов Михайлы Ломоносова о прирастании могущества страны нашей Сибирью. Долгий диалог у нас завязался. Я процитировал слова первостроителя Тобольского кремля, картографа и писателя Семена Ульяновича Ремезова. Добре уважали его в народе, хорошую память о себе оставил. Говорили о нем: «Щедр на труды был человек. От сердца умер, сердца много расходовал». А кто-то мало, значит, сердца расходовал и не щедр был на труды. Третьи же – посередине: ни много, ни мало и ни щедро, ни то, ни се, в общем. Как просто и мудро рассудил народ! И это именно, высота духа роднит и выученика Сергия Радонежского Павла, и Ремезова, и Н. В. Гоголя. Загоскин в «Юрии Милославском» о таком примерно писал: «Нет, любовь к отечеству не земное чувство! Оно слабый, но верный отголосок непреодолимой любви к тому безвестному отечеству, о котором, не постигая сами тоски своей, мы скорбим и тоскуем почти со дня рож-

дения нашего». *Прекрасно то, в чем мы видим жизнь такою, какова она должна быть по нашим понятиям (вольно Чернышевский). В подхлест этой мысли звучит и ленинское о красоте, безмерно превосходящей все, о чем могли только мечтать в прошлом.* Это и о нас, поколениях, что пересекли фронтир тысячелетий и движутся к России новой. И тоска наша сродни тоске Аввакума, заключенного в Пустозерскую яму.. Не знаю, когда я отзвоню свою обедню в литературе, но сейчас, по моим личным ощущениям – самый пик ее. Вовсе же не случайно на восьмом уже десятке лет – зазвенели весенней капелью новые года после юбилея – весело мне работается, весело, хорошо и пьяно. Самое главное – в душе нет ни грана захолустья, а это так ценно для пишущего, когда он чист, светел и ясен духом. В словаре своем я определил захолустье так: «Это – индивидуальное пространство пребывания души и ума каждого человека. У Серена Кьеркегора это была комнатка, где «захолустный гений», стоя у пульта, при свечах писал, опьяненный литературным творчеством: «Я пишу такие вещи, от которых должны рыдать камни…» *И будут они рыдать у гения, суть которого формульно и донно-глубоко определил Борис Пастернак: «Гений есть кровно осязаемое право мерить все на свете по-своему, чувство короткости со вселенной, счастье фамильной близости с природой и доступности всего живого. Гений первичен и ненавязчив…» В моем романе-словаре жизнь есть, конечно, о том, что же есть* ***гений.***

Случай с пианино…

Гений это прежде всего заява на свою гениальность. Когда начинается он? В пять лет. Примеров этому я могу привести немало. Оглянитесь окрест себя на своих чад, громадьяне, и вы поймете это. Будьте только внимательны. Яркое тому свидетельство – эпизод из жизни одной из героинь романа Татьяны Малишевской «Татьянин день». Она заглавная из трех «героических» Татьян. Могут возразить мне оппоненты: так это ж художественная литература, придумать можно всякое. Но глянем на такое через оптику Михаила Веллера, заявившего, что основа литературы – факт, основа поэзии – чувство. И прав он. Что же касательно Малишевской, то книга ее рождена из факта и чувства. Знаю я доподлинно, что писала авторица заглавную Таньку с собственной персоны. И что же являла из себя эта персона в 5 лет? Послухайте.

Подтвердила она собственнорожденную аксиому: если чего-нибудь желать страстно, самозабвенно и приложить к этому свои усилия, то твое желание непременно исполнится. В жизни Танька убеждалась в этом много раз. Случай с пианино один чего стоит, когда, желая подарить радость мужу, она вдохновенный, как любимый ее композитор П. И. Чайковский, маэстро перемен в квартире, **одна** решила переставить пианино из детской комнаты в холл. Когда инстру-

мент намертво застрял в дверях, несмотря на титанические попытки Таньки пропихнуть его всеми частями тела, пришло отрезвление, но ненадолго. От безысходности Танька села к инструменту боком и сыграла песню Петра Ильича из цикла «Времена года». А тут пришел на обед муж и звонит по домофону, что идет. 2 минуты ему подниматься, а сюрприза благоверному нетути. *Вот возьму и переверну все вверх ногами (реплика из спектакля «На всякого мудреца довольно простоты»).* ***Достаточно лба…*** Тогда Танька с отчаянием приговоренного к смерти, с нечеловеческой силой налетела на несчастный инструмент (представьте себе только эту картину – мчашейся пулей Малишевской с бешеным желанием чего-то хоть сделать в безвыходной ее ситуации), боднула его головой, и, вопреки законам физики (законы Малишевской – вот главное!), что-то произошло: то ли пианино сжалось, то ли дверной проем расширился, а может то и другое вместе, но, подчинившись страстному желанию Таньки, пианино как по маслу въехало в холл. Танька ж по инерции перелетела через него, набила шишку на голове, но была очень и преочень довольна, растерянно-довольна, но рада. А мы, громадьяне, и пуще того: знаем теперь, что тут была получена **шишка гения,** а это вам не хухры-мухры. Но – о главном, о заяве Автора, что гений начинается в 5 лет.

Так вот было так. Активничала Танька в детском саду в сольных выступлениях в детских утреннках, в танцевальных постановках и в хоровом пении. Обычная вроде бы

девочка, ничем не выделяющаяся среди своих сверстниц, но зато желание выделяться, верховодить, блистать било из нее ключом. О таких говорят с восторгом и восхищением: «Звезда!» Возмутилась эта звезда однажды своими детсадовскими властями, ах, мол, такие вы сякие, ставите меня все время на задний план во время исполнения танца «Чунга-Чанга», с самым неказистым мальчиком, который и двигаться-то толком не умеет. Ну, что ж, посмотрим. И Танька начинает с неистовством танцевать эту самую «Чунга-Чангу» часами дома, иногда под музыку, а иногда под импровизированный стук тамтама в исполнении любимого папы. Увидев же в передаче «Клуб кинопутешественников» танец перед жертвоприношением каких-то совершенно диких племен, Танька поразилась именно страстности исполнения, необузданности телодвижений, зажигательной ритмике и пластике полуголых танцоров, а когда они стали испускать гортанные крики, она пришла в неописуемый восторг (эврика!) и непременно решила показать все это на выступлении в детском саду. Итак, сакраментальный момент настал. Генеральная репетиция утренника. Молоденькая учительница танцев, расставляя стулья, волнуется: ведь это у нее первая танцевальная группа, и ей хочется блеснуть перед заведующей синхронностью и выучкой своих питомцев. Таньку с ее назадачливым партнером она ставит, как всегда, в последнем ряду. Наивная, она и не предполагала, что вытворит эта щупленькая, как въетнамка, девочка. А та

с первых же тактов музыки стала вытворять такое, что сначала офигел, вытаращив глаза, ее партнер, потом офигели те пары, которые ее видели, и, наконец, в зале танцевала только она. Танька и боле никого. Полный триумф ее душеньке. И что это был за танец! Будь это в джунглях, где жили дикие племена, показанные по телику, лианы бы все вострепетали, аплодируя Таньке, баобабы пустились бы в пляс. Это были не три притопа, три прихлопа, которым обучала их учительница, а нечто невообразимое. Танька показывала натуральный спектакль: вот она змеино крадется по диким джунглям, вот молит духов послать ей хорошую добычу, вот стреляет из лука, вот зовет соплеменников отпраздновать счастливую охоту. И все это в такт музыке, красиво, грациозно. Но последний гортанный, как у Маугли, крик, от которого у многих зашевелились волосы на голове – это было что-то. Автор вспомнил Федю Камалова из Ташкента, с которым подружился на семинаре молодых литераторов в Питере. Собрал озорную писательскую братву, самых выдающихся, неординарных молодых авторов (для детей надо ж писать только талантливо) журнал «Костер» во главе с чудным дяденькой, в нашем с Федей восприятии, Сахаровым Святославом Владимировичем. И на банкете по случаю завершения семинара, приветствуя «дяденьку» Славу, боевых его замов Гостомыслова Сашу, Балуева Германа и всех присутствующих, Федя издал такой пронзительный ирокезский крик, что явства с рюмками и столы перепугались за свою дальнейшую

судьбу, а собравшиеся на банкет в страхе остолбенели. Я потом долго потешался над своим приятелем, говоря, что «Федя-бредя сьел медведя». Слал ему потом приветственные цидули в Ташкент с одним предисловием: «Федя-бредя, которого уже сьел ты медведя?». Что же касательно Таньки Малишевской, то она произвела такой фурор в детском садике, какой ни в сказке сказать, ни пером описать. Что значит гений. *Питер или Ленинград ранее, друзья мои по литературной нашей ассамблее в «Костре» молнийно вспомнились мне, когда получил из Нью-Йорка от Юрия Цырина электронку с фотовидами города на Неве. Не замедлил ответить другу.*

ВЫСОЦКИЙ, ПИТЕР И ПОЗНЕР…

От кого: ***Александр Мищенко***
Кому: Yuriy Tsyrin

Так определю я, дорогой Юра, тему нашего виртуального мини-общения. «Весь Высоцкий!!!!», присланный тобой стал, вливаться в контекст моего романа. Спасибо. Фотовиды Питера воскресили в памяти три месяца моей жизни в этом легендном для нашего государства городе. Но главное в другом. Я лишний раз смог оценить, насколько ты мне важен в моей жизни. Я космолюдинно живу в России и за океаном, благодаря тебе. Ты делаешь для меня Земной шар ближе. Реалии дома под звездами становятся моей личной жизнью. Я космолюдин и потому внимательно вчитываюсь

сейчас в строки книги Владимира Познера «Прощание с иллюзиями». Он и русский, и француз, и американец, стопроцентный космолюдин от роду. Уже улавливается кое-что, Юра, ценное для меня. Моя биография далека от сего. Но я живу естественной космолюдинной жизнью. Ты соавтор её и моего «Байкала». Славно!!!

Пришел и ответ:

Спасибо, дорогой мой Саша!

Здоровья тебе и новых успехов на радость мне и ещё многим-многим людям!

Позволь предложить твоему вниманию новую песню, которую создали мы с народным артистом Туркменистана Беном Исаковым (слова мои, музыка его). Нам хотелось, чтобы эта песня соединила в себе социальный пафос с неподдельной лиричностью. Думаем, она вполне актуальна для нашего беспокойного и совсем недоброго времени на родной планете. Ну, что получилось, то получилось… Конечно, нам ясно, что песня ничего не изменит в мире, но душа просила подарить ее людям…

Обнимаю.

Юрий

БУДЬТЕ ДОБРЫ!

Будьте добры!
Повезло нам, земляне, с планетой —

нам бы сберечь этот дар
драгоценный судьбы!
В шорохе листьев, и в звоне капели
встречайте рассветы —
и в добрый вам путь!..

Пусть новые песни
журчаньем свирели
весна вам исполнит…
Пожалуйста, будьте добры!
Люди планеты, будьте добры!
Мир создан для дружбы —
будем добры!
И пусть безмятежно, все дети
смеются на нашей планете…
Будьте добры!
И пусть безмятежно все дети
смеются в сиянье Вселенной!
Пожалуйста, будьте добры!
Будьте добры!

Согревайте душою планету!
Горе пускай не пройдет через ваши дворы,
юных влюбленных лишь пылкое сердце
посмеет тревожить в закатной тиши
а мудрая старость даст радость
покоя и праздник свершений…
Пожалуйста, будьте добры!

Люди планеты, будьте добры!
Мир создан для дружбы – будем добры!
И пусть безмятежно, все дети
смеются на нашей планете…
Будьте добры!
И пусть безмятежно все дети
смеются в сиянье Вселенной!
Пожалуйста, будьте добры!

Как передает ИТАР-ТАСС, четырехлетняя Хайди Хэнкинс из Уинчестера знает арифметику, пишет законченными предложениями и рисует геометрические фигуры, уже в два года читала книги, рассчитанные на 7-летних детей.

По словам исполнительного директора британского офиса «Менсы» Джона Стивениджа, родители Хайди верно определили, что у девочки огромный потенциал. «Мы желаем им удачи и рады, что они решили присоединиться к „Менсы“, которая патронирует вундеркиндов», – отметил он. Интересно, что по показателю IQ Хайди всего на один балл отстала от выдающегося физика-теоретика современности Стивена Хокинга, известного своими работами в области космологии и квантовой гравитации.

Чудесно, что в это русло пошла энергия Хайди Хэнкинс. А то ж бывает совсем по-иному. Сообщили вот по «Вестям», что в Америке где-то разбушевалась прямо-таки в учебном заведении одна шестилетка, разгром учинила, сильно досталось какой-то учительнице. Пришлось взрослым полицию

даже вызвать, и стражи порядка, прибыв срочно в школу, надели наручники девочке-негритоске…

Есть о состоянии гениальности у Евг. Замятина. Прояснил мне он лишний раз сознание химическим знанием, что же есть такое насыщенный раствор: «В стакане разлита как будто бесцветная, ежедневная, простая вода, но стоит туда бросить только еще одну крупинку соли, и раствор оживает – ромбы, иглы, тетраэдры – и через несколько секунд вместо воды уже хрустальные грани – Какие восхитительные торсионы, что влекут и к подобному состоянию материи, когда из преджизни рождается жизнь! Должно быть, иногда бываешь в состоянии, когда зрительного впечатления, обрывка вагонной фразы, двухстрочной заметки в газете довольно, чтобы кристаллизовать несколько печатных листов». И если бы я лично, Мищенко А. П. делился с молодыми секретами писательского творчества, то же бы сказал, что Евг Замятин. Добавил бы, что по реалиям нашего времени, нового уже, электронного века, о каком можно сказать, что он, сейчас, слава богу, оцифрован, с лету ловлю все с экрана телевизора. Ну, просто опасно мне теперь садиться к «ящику». Хоть карандаш стараюсь прихватить, чтобы заметить себе что-то. Либо после важной какой-то мысли срываюсь с дивана в гостиной-телевизорной и стремлав за компьютер. Заячья такая прыть появилась… И нет в том ничего удивительного: тоталитарные режимы биниальны с догматизмом, парламентским присущ релятивизм, расширение

границ свободы. А такое именно время переживает Россия. И очень понятны мне живущие в моем кровотоке Деррида, Сартр, Умберто Эко и Эмиль Чоран…

И тут как автор романа этого не могу я не преткнуться о пень, о камень, как можно бы выразиться, или о такую социальную претыку, которая щемяще отзывается в моем сердце, резонансно зазвучиваясь с болевыми претыками нашего времени. В огромном рукописном наследстве, оставленном Семеном Ремезовым (в том числе «Описание о сибирских народах и грани их земель» и «Краткая сибирская история»), писаны единственный раз слова о себе, но какие ж емкие, захватывающие большие пространства жизни, политического климата давней эпохи: «Будучи у того каменного строения, работал усердно, по вся дни беспокойно… обнищал и обезножил». В три этих кричащих глагола – работал, обнищал и обезножил – укладывается вся жизнь таланта, самородка, беззаветного труженика. На закате своих дней, как установила по архивам кропотливая искательница истин в истории, наша современница Людмила Барабанова (работал я с нею вместе в газете-«молодежке»), вынужден был просить, как милостыню, прибавку к жалованью. Только и скажешь тут: «Се, несправедлив век!» Но веки созвучиваются, как гениальные рифмы. Редко ли так венчается труд созидателей в нашем Отечестве и ныне? *О геологах-фанатиках, что жизнь ложили на алтарь Отечества, писано сегодня в «Тюменской правде» крупно и жирным шрифтом:*

«Большинство тех, кто действительно трудился, прозябают, если не в нищете, то еле-еле сводя концы с концами». И скажешь в сердцах, что каленым железом бы изжечь в нашей жизни подобное, чтоб не слышать, как язвят иные: трудись, трудись – горбатым сдохнешь. Что ж касается Семена Ульяновича Ремезова, то утешить нас может лишь то только, что заслужил он ВЕЧНУЮ ПАМЯТЬ потомков.

Как стих, жили во мне прочувствованные слова Ремезова о родной земле: «Страна многими тысящами людей населена, преисполнена изобильно во здравии воздуха и ужиточных вод богата. Воздух над нами весел и в мирности здрав и человеческому житию потребен. Ни добре горяч, ни студен. Земля хлебородна, овощна и скотна. Опричь меду и винограду ни в чем не скудно. Паче всех частей исполнена пространством и драгими зверями бесценными. И торги и привозы-отвозы привольны. И просточадцы работают, философии всяких наук употребляя. Правда во всех хранима…». Как просто, гордо и глубоко речено. И что Элизе Реклю с убогим его определением: «Сибирь – страна, лежащая за пределами истории»! *В гитлеровском учебнике по географии говорилось: «Сибирь – холодный и пустой край, где живут полудикие существа различных смешанных рас». И это уже за пределами разума…* А как бы оценил этот ученый мэтр то, что нашли на Ямале археологи чашу с изображением полета Александра Македонского на грифоне, которую губернатор Ямала Юрий Неелов передал в дар

Государственному Эрмитажу. И очень ли разнится заключение Реклю от того, что привел Анатолий Омельчук в своем «библосе» о Сибири разысканное нашим земляком-ученым Леонидом Киселевым ленинское: «Сибирь – холодный и пустынный край, где живут полудикие *существа* (курсив А. М.) смешанных рас». Это – цитата из немецкого (фашистского периода) учебника истории, как акцентно подчеркнул Омельчук. Не стыдно ли нам воспринимать Сибирь с евразийской нашею сущностью по Реклю и по такому Ленину! Или уподобляться нашим эпигонам «породистых» западников. Продолжали б лучше, господа плюнь-кисляи, изучать с тщанием, как древесного клопа, классиков марксизма-ленинизма… Сибирь была просто заповедным еще, мало тронутым человеком ядром истории. Мы прожили геологически первые пока зарницы светоносной сути Сибири для России и всего мира. У нее еще все впереди.

Федотов знал ремезовский отзыв о крае нашем и сказал мне, что тут, кажется, не все приведено. Я в момент дополнил по памяти:

– «Рек великих и средних, заток и озер неизчетно, рыб изобильно, множественно и ловитвенно. Руд, злата и серебра, меди, олова и свинцу, булату, стали, красного железа и укладу, и простова, и всяких красок на шелки, и камней цветных много. И от иноземцев скрыто, а сибирякам неведомо».

Старым слогом добавил я о нынешнем дне:

Вареньем Киев щеголяет,
Оружьем Тула процветает,
В Тюмени нефть красна.

Федотов тяжело вздохнул, и взгляд у него ущуренный-ущуренный стал.

– И от Зарубежья теперь не скрыты наши богатства. Наоборот, много знают о них, и земля наша алчность там разжигает у некоторых. Знаем и мы, что Сибирь для России – кладовая с драгоценностями. Все на виду ведь теперь.

Василий Петрович повернулся к окну и заговорил, глядя в темень:

– Раньше от незнания полного материка нашего лишь могли прогнозировать, как Губкин или Ломоносов. Угадывали будто б в ночи гении рассвет мощный. Сейчас все знаем. Выкатится утром солнце и в небо пойдет. Ясно все и понятно: вот он жар наш и свет.

Я невольно разулыбался.

– Василий Петрович, стихами вы заговорили.

– Много ж думал я о Сибири, – ответил он, как бы в оправдание.

Через несколько дней днем уже представится нам возможность побыть вдвоем. И будет смотреть Федотов в окно на солнце. Склонит вопросно голову, словно бы прислушиваясь к космическому светилу, а во мне поэтическая струна заговорит вдруг, и строчки стиха завспыхивают в созна-

нии, как человек слушает музыку солнца, величественный хорал лучистых молекул. Сейчас, к сожалению, ночь навеивала Федотову довольно мрачные мысли. Он вновь повернулся ко мне, лицо озабоченное.

– Ныне богатства Сибири нам ведомы, но Россия не становится богаче. Парадокс прямо малообъяснимый. Торгуем мы сами с собой, внутри государства, на внешний же рынок идет много сырья… И то с проблемами. Дешевим, продавая нефть. Бензин у нас не берут. Он ведь в основном этилированный. А на Западе давно в обороте неэтилированный, он экологически чище. Мазут наш берут как сырье: из него потом вырабатывают масла, бензин, дизтопливо. Продукция, как известно, в десятки раз дороже сырья. На ней и куют прибыли капиталисты.

Я с живостью поддержал Федотова: к нашим природным богатствам ум приложить надо.

– Доводы лежат на поверхности, Василий Петрович. В Дании той же нет минеральных ресурсов. Обделил ими ее господь Бог. И аншлаги на дорогах гласят там: «Наш ресурс – качество». Об Исландии узнавать мы стали после поездки Горбачева в Рейкьявик. Жили на льдине там люди, как туземцы какие-то вроде бы, и мы о них ничего не знали. А туземцы эти на льдах вечных выращивают в теплицах столько апельсинов, что не только себе их хватает, но и… в Африку их экспортируют.

Из аналитики известного российского экономиста

Александра Аузана

«В этом смысле мне очень понравился пример Стиглица с „рисовой“ специализацией Южной Кореи. Настоящая элита способна развивать страну, опираясь на те ее ресурсы, которые она знает и понимает. То самое рисоводство было очень важным для скачка Южной Кореи. Южнокорейские крестьяне, как многие земледельческие народы, занятые в интенсивном сельском хозяйстве, понимают, что такое стандарты и что такое технология. Исследователи говорят, что одним из важнейших моментов корейской модернизации, появления мощного центра машиностроения, было объяснение крестьянину, что машиностроение похоже на рисоводство – только в нем другая последовательность операций. Успех Кореи – это не столько японские или американские деньги и инновации. В основание успеха корейцы положили навыки и конкурентные преимущества трудового национального ресурса».

Корреспондент: ***«То есть элита понимала свою страну».***

Аузан: «Именно. Общие методы, знание технологий, выстраивание общественных и экономических институтов плюс свой национальный секрет – на этом стоят все успешные модернизации.

Эта формула каждый раз должны быть новой – свой секрет, специфика есть у каждой страны. Мы, к примеру, корейский опыт точно повторить не можем, потому что

у нас низкая ценность стандартов и технологий. Поэтому у нас пока не получится построить качественное массовое машиностроение, и у автомобилестроения плохие перспективы. Зато в России наличествуют высокая креативность, высокий уровень ценности самовыражения, индивидуализм. Определить этот набор эксклюзивных характеристик можно только исследовательскими методами, а вот придумать, как их приспособить к делу долгосрочного развития, может только ответственная национальная элита».

Корреспондент: «И какие эксклюзивные характеристики есть у нашей страны?»

Аузан: «Что конкурентного, кроме углеводородов, производит Россия? Наша страна в течение последних полутора веков непрерывно экспортирует «мозги», качественную, образованную рабочую силу. Чтобы был понятен масштаб: по оценке академика Револьда Энтова, одного из лучших экономистов страны, экономический эффект идеи телевидения, придуманного русским Владимиром Зворыкиным, равен 20 валовым продуктам нынешней Российской Федерации. То есть Владимир Зворыкин обеспечил бы 20 лет развития страны. И ведь это не единичный случай, вспомните физика Георгия Гамова, авиаконструктора Игоря Сикорского… Да и сейчас сразу приходят на ум физики Гейм и Новоселов или основатель Google Сергей Брин.

Это вообще поразительная вещь – страна, в которой периодически истребляют интеллектуальную элиту, деклас-

сируют учителей, бесконечно реформируют то в одну, то в другую сторону систему образования, все равно продолжает производить ученых и специалистов. Это и есть та самая другая линия развития страны, альтернативный путь, который никогда не исчезает». Россия же в потребиловку ринулась, каменеет дух у людей от ползучего рационализма. Вещи вскочили в седло и погоняют человечество, как это увиделось образно Ральфу Эмерсону. Некачественных людей прорва.

– А я качественных людей стараюсь подбирать себе, – возразил Василий Петрович. *Так подбирал людей в свою команду, по человечку, а не чохом великий русский флотоводец Макаров.*

Я заговорил о том, что уже давно волновало меня. Сибирь есть увеличительное зеркало наших общерусских противоречий. Именно так поставил о ней вопрос на одном сибирском вечере Л. Троцкий. И действительно, в Европе просто пространства, а в Сибири вообще беспутье. Сибирь – прима России по природным богатствам и падчерица – по наличию техники. Проблемы двадцатых годов в скелете своем характерны и на конец века. Хоть и прибавилось тут автотрасс, техники, железных путей, а основой своей весь этот материал за Уралом, степи, леса, реки и богатства недр висят на узкой ленте рельс Транссибирской магистрали. И веер железных дорог лишь революционно двинет Россию в будущее, как было это с Транссибом. Знаменную, можно ска-

зать, мысль Столыпина рельсы ведь породили. А сказал российский Премьер мощно: «Все разумно и толково сделанное в Сибири сразу множится на такие колоссальные множители, что результаты неоценимы». «Железка» – множитель. Но во многом пока таковой – в проектах. Один отростель на Полярный Урал может по-ломоносовскому чувствованию прирастить Россию. А ждут нас там, ждут и «кемберлитовые трубки» с прорвой алмазов! Но как была Сибирь, так пока и остается сырьевым придатком, колонией, коровкой у семи дояров, как говорится. И не только для отечественной метрополии. На многих континентах глаза загораются у заправил мирового бизнеса на ее богатства. Аппетиты на Сибирь растут. Впрочем, никому не запретишь фантазировать. Но вообще, тут скажешь одно: где нефть, там дело пахнет *табаком* политикой, где политика – там нефтью… *Вот нынешняя напряженка в мире. Грозные вести. Авианосцы США в Персидском заливе (а это нефть), в полной боевой готовности к военной операции в Сирии. Мир на пороге третьей мировой войны. Брожение. «Ну, ударим мы по Сирии. А дальше?» – задается одна корреспондентка вопросом, вспоминая о том, как непродуманные операции в Ливане, Ливии, Ираке в итоге закончились для США провалом. И в Сирии, особенно, если Соединенные Штаты полезут туда в одиночку, все может повториться. Однако, задумайтесь, граждане читатели, над этой дилеммой. Томагавки – главное оружие американской демократии, и заявление Барака Обамы, что он*

устал от войн, и все-тки – «замахнулся для удара по Сирии». В какую сторону качнется стрелка политики амбиций мировой державы? А бездна такова, что дух захватывает, как будто вы над Гранд-Каньоном. Но во втором случае сознание колышет миллионолетняя геологическая история Земли, в первом – холодок гуляет по спине от думок о мировой истории войн человечества. Но нет альтернативы прорану созидания, куда можно и нужно направить энергию «человеческого вещества» планеты. Друг мой нью-йоркский Юрий Цырин прислал мне видеоэлетронку о выдающемся сооружении американских инженеров – подвесном мосте над чудом природы – Гранд-Каньоном под Лас-Вегасом. Мост со стеклянным полом, висящий над бездной на высоте 1200 метров над уровнем реки Колорадо, будто парит над парящими в высях каньона орлами… Такие чудеса цивилизации XX1 века и дубинки «томагавков». Доколь можно совмещать их? Фронтир вопиет: мир, мир и мир, расцветание искательной способности духа человечества по Конституции Мироздания. Один из комментариев. Сергей Гусев*: Применение томагавков в Ливии… выпушено почти 430 ракет по 12 целям… обстреливали днем и ночью… поражены 10 целей… томагавк летит низко поэтому сбивает, например шилкой или просто пулеметом… из своей низкой скорости… низкая скорость плюс в защите от ракет но минус в другом… нет они могут решить все количеством… не надо забывать как амеры тратили свои томагавки на макеты и просто*

микроволновые печи – в Юголавии такое было и в Ливии… Но тут встанет вопрос… полетят томагавки… кто разрешит их использовать… Египет – запретил, Иордания тоже… остается Турция и Израиль… ну а вдруг Иран начнет делать то, что объявлял… вот, Серафим, вы правильно мыслите… правильно я мыслю или нет – вопрос…

Впечатлила меня эта триада отзывов в Интернете:

250R *Меня уже до психа раздражает поведение американосов в мире… Скоро в нашем городе будут выборы мэра, и я не удивлюсь, что на Каме у городка эсминец пиндосовский будет стоять и наблюдать… Американосы, вы живёте в Северной Америке, так и плывите обратно екэлемене, у вас педики женятся, торнадо бушуют, Детройт обанкрочен, решайте там вопросы… Я считаю, страны сами должны разбираться в своих делах, это вроде даже в Международном праве есть! Почему там нет такого: если не соблюдать его, то по щам получишь сам?! ООН, вы не ООН, если американосы плавают, как щепка в проруби, по всей планете.*

Игорь Андреевич Иванов *Ну, вот ты смотрю умный. Чё послал бы в Сирию русские войска, чтоб заступиться за арабов? И главное зачем? Поссориться с Западом выйдет дороже. До тебя не доходит, что не то, что производства, жрачки-то даже нет своей, все с Запада. Договорятся с арабами – обрушат цену на нефть в разы и хана Российской Федерации.*

СТВОЛ *ОСТАНОВИТЬ ЗВЕРЯ. ОБРАЩЕНИЕ ПИСАТЕ-*

ЛЕЙ РОССИИ. Зверь должен быть остановлен! Сегодня война на пороге суверенного Сирийского государства. Народу Сирии, как и другим народам Арабского Востока цивилизованные варвары Англии, США, Израиля, Франции и Турции собираются ракетно-бомбовыми ударами установить пресловутый старый фашистский «мировой порядок». С интервалом в пять минут мировые СМИ непрерывно талдычат, что со дня на день начинается бомбардировка Дамаска. Варварское решение НАТО и их союзников подвело мир к той черте противостояния, когда каждый должен определиться, с кем он – с убийцами женщин и детей, палачами, готовыми на любое кровопролитие ради принципов «мировой демократии», либо в рядах тех, кто противостоит убийствам невинных и политическому насилию над народами. Первая кровь сирийских детей пролита наемниками империализма два года назад и ответственность за нее лежит полностью на странах Англии, США, Израиля, Франции, Турции, на саудитах, катарцах, на их союзниках… Президенты, короли, королевы и премьеры этих стран, карликовых новообразований арабского мира, выступающие в поддержку кровавого решения – навсегда входят в мировую историю, как фашистские преступники. Последствия начатой войны, несомненно, скажутся на судьбах всех народов и всех Президентов, вне зависимости от их участия или неучастия в агрессии, – достаточно напомнить в каких муках доживали свой век ястребы зла А. Шарон и Р. Рейган…

Усилия Совета Безопасности ООН, миролюбивые инициативы России и Китая оказались недостаточными, слишком нерешительными и невыразительными. Они не смогли дать достойный нравственный отпор государствам-агрессорам. Страх перед военной мощью США и НАТО, экономическая и геополитическая зависимость сыграли свою роковую роль, фактически подтвердив право стран-агрессоров на распоряжение судьбами стран и народов. Зверь войны не получил достойного отпора и вышел с открытым забралом на тропу войны. В рассуждениях об экономических выгодах и геополитических интересах наши правители забыли моральную и подлинно общечеловеческую сторону вопроса о судьбе Сирии, как это уже было с Югославией, Ираком и Ливией. Цена такой забывчивости – жизни ни в чем не виновных мирных жителей всего Ближнего Востока и сирийского народа. Мы, писатели России категорически на стороне сирийского народа, его лидеров и тех сил, которые выступают против войны в Сирии. Протестуя, мы выражаем свое решительное намерение добиваться не только моральной, но и юридической оценки агрессии против Сирийской Арабской республики. Совершается военное преступление, которое должно быть наказано. Мы считаем, что все формы духовного, политического и физического сопротивления необходимы и оправданы, а поэтому заявляем о полном отказе в сотрудничестве с политиками и деятелями культуры, поддерживающими агрессию стран НАТО и их союзников на Ближ-

нем Востоке. Зверь войны должен быть остановлен в начале пути, дабы трагедия Арабского Востока не стала трагедией всего мира, в том числе и России. Легко предположить, что конфликт на Ближнем Востоке будет использоваться в целях противопоставления Ислама и Христианства, что в условиях России может привести к последствиям, угрожающим безопасности всех ее граждан. МЫ ПРИЗЫВАЕМ ВСЕХ ГРАЖДАН РОССИИ ПО ДОЛГУ СОВЕСТИ И МИЛОСЕРДИЯ – ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В ЛЮБЫХ АКЦИЯХ АНТИВОЕННОГО ПРОТЕСТА ВО ВСЕХ ГОРОДАХ РОССИИ И ЗАРУБЕЖЬЯ, КЕМ БЫ И ПОД КАКИМИ ПОЛИТИЧЕСКИМИ ЗНАМЕНАМИ ОНИ НЕ ПРОВОДИЛИСЬ.
Пресс-служба Союза писателей России

Сибирь – предохранительный клапан нашей исторической ходьбы, начиная с самоходов-крестьян, в сибирскую вольницу, – тот пар, какой мог бы в Европе рвануть неурядицы, как писал некогда Д. Мамин-Сибиряк. И беглые всякие, «самоходы» эти – котел государственного механизма. А нынешняя напряженка у нефтяников и газовиков Тюменского Севера! Кровь земли это не уголек. Закрой Сибирь все задвижки на промыслах – страна замрет. Но – продолжим о Бембеле.

Начал он рассказывание своё Барабановой с массового гипноза середины 50-ых годов, когда просвещали *пудрили* мозги сибирским студентам по поводу «открытия века» – теории относительности Эйнштейна. Некий второкурсник

задал тогда московскому лектору вопрос:

– Вы можете объяснить физический смысл этой теории?

И все услышали:

– Теория относительности не имеет смысла, и в этом ее достоинство.

Роберт Бембель комментирует ныне этот ответ аспиранта как блистательный образец демагогии: «Видишь, и о полной никчемности можно говорить, важно надувая щеки». *Оттого токмо, что все на свете превратно, коловратно, приблизительно и относительно, как писал А. П. Чехов в одном из писем.* В исследовательской биографии Роберта Михайловича просматривается три гигантских шага. Шаг первый: создал технологию, способную различать в земных недрах нефтеносные трубки, – высокоразрешающую объемную сейсмику. Шаг второй: осмыслил, какие механизмы работают в геосолитонных трубках и догадался об их роли в жизни Земли и всех небесных тел. Шаг третий: взялся истолковать «внутренний огонь» Земли, то есть безграничную энергию, бушующую в земном ядре, что потянуло за собой другую проблему – какая космическая материя бесконечно подпитывает «внутренний огонь» и нашей планеты, и всех звезд, и Солнца.

Метод объемной сейсмики по его возможности сопоставим с прорывом Галилея к небесным телам с помощью телескопа.

Во ВНИИГеофизики, где Роберт заведовал сектором, сей-

смоинформацию по Горелой площади обрабатывали две группы – Бембеля с его «телескопом» и директора Владимира Монастырева – по другой технологии. Обе группы пришли к прямо противоположным результатам. Где на компьютере у Бембеля рисовались поднятия, вулканы, у Монастырева – впадины. Роберт на графиках доказал, что метод директора – техническая халтура. Далее обстановка известна: «Я – начальник, ты – дурак». Сказал, как сержант, что люминивая ложка, значит люминевая… Уволили Роберта из института молниеносно.

Еще в дни студенческой практики, созерцая тундру Югры с вертолета, Роберт поражался множеству озер – коричневых, голубых, изумрудных. Поразительно, что все озера были круглые, словно по циркулю. В Шаиме в 60-ые молодого Бембеля поддразнивали своей загадкой небольшие линзы, разбросанные по всему пласту. Странно, что эти линзы оказывались самыми продуктивными, и нефть в них не иссякала потом чуть ли не полвека. Это были геосолитонные трубки. Но кто знал тогда такое? Новейший метод сейсморазведки позволил выявить непредвиденное: в 1982 году исследователи увидели вертикальные столбы, уходящие в глубь Земли. Геосолитоны – это мощные выдохи плазменного ядра планеты. Чем отличаются гесолитоны от выдохов нашего организма?

Бембель отвечает:

– Самый главный параметр геосолитона – вихревая струк-

тура. Самоорганизация материи, пребывающей сначала в хаосе, идет только через вихрь эфирных частиц, который начинает закручиваться в гигантском плазменном ядре планеты. Сенсация в том, что водород в обнимку с гелием идут от самого ядра Земли. Нефть – это вчерашний газ, из которого через соляные или мерзлотные покрышки в атмосферу прорвалась часть водорода. Это результат мощных геосолитонных вихрей, когда водород превращается в протонный поток, а тот пройдет через атомную решётку любого вещества, как помидор сквозь ячейку волейбольной сетки.

– Столбы или геосолитонные трубки – это одно и то же? – спросила Барабанова.

Ответ Бембеля:

– Трубками я стал именовать этот канал из-за уважения к Дмитрию Ивановичу Менделееву. Он первый, осмысливая месторождения на Кавказе, пришел к выводу, что нефть связана с трубками. На большой глубине мощность геосолитона не может преодолеть плотность вещества, но повыше сопротивление меньше, и геосолитон взрывается, раскручиваясь до конуса с идеально круглым основанием. Вот откуда и берутся круглые, как по циркулю, озера или кратеры вулканов. Геохимическая фабрика в недрах Земли работает безостановочно. Ее подпитывает бездонная бочка энергии вселенского эфира.

Бембель и его соратники научились выделять многоцветные на картах подземного царства геологические разрезы.

Однажды Бембель делал доклад по «баженовке» на совещании, которое собрало Министерство геологии в Тюмени. «Мы не можем понять, как меняется ее строение, – говорил он. – Может кто-то из вас увидит?».

К цветному разрезу вышел Виктор Исаевич Белкин и воскликнул: «Столбы! Неужели вы не видите?» Именно он после того собрания подбросил Бембелю головоломку: «А почему где столбы – там обязательно выпирают продуктивные структуры?» Ясно становилось, что столбы и поднятия – это звенья в последовательной цепочке событий в недрах Земли. «Ты пойми *едрена ворона,* – внушал Роберту Белкин. – Ты напал на открытие невероятной силы». Какие бы потом ни случались разочарования и удары, Роберт Михайлович всегда помнил, как он сидит с Белкиным на диване перед защитой своей докторской диссертации. Белкин умирает, прощается с ним навеки. Он держит Роберта за руку и берет с него клятву, что тот до конца своих дней будет развивать свою идею. Идею, раскрывающую, на каких столбах *китах* покоится Мироздание.

В порядке деконструкции этой главки скажу, что в следующем номере «Сибирского богатства» Людмила Барабанова продолжила «Диалоги о насущном: тайнах Мироздания», означив их: «Парадоксов друг». Львиную долю энергии Бембель отдает студентам. Почему? Из опыта открытых полемических «боев» с коллегами, как пишет Барабанова, Роберт Михайлович вынес твердое убеждение, что его революцион-

ные доводы никогда не в силах поколебать законсервированные в головах теории. В основу своей поведенческой парадигмы новатор-ученый взял принцип Макса Планка: «Новые идеи овладевают миром не потому, что удается переубедить носителей старых идей, а только потому, что эти носители постепенно вымирают *как динозавры…*» Вот и забрасывает Бембель семена истины в головы подрастающего поколения. *В мою лично так забросил на первой лекции в Нефтегазовом университете, когда я слушал его, что будто с ног на голову перевернул махом, как может это делать на борцовском ковре В. В. Путин, моё сознание и стал я рьяным бембелистом, чем горжусь. Читаю в газетах ученые размышления о нефти и газе, покоящиеся на традиционных основаниях, и понимаю, что темень там в головах и кричу мысленно и строками своей прозы: света, света и света надобно им!..* Можно понять великого ученого: нет лучшей пашни для такого сева, как молодые умы. Но – парадокс, подобный молодой ум проявился и у моей коллеги некогда по молодежной газете, ныне бабушки, имеющей прелестную внучку Катю, Людмилы Барабановой. Она оказалась такой же увлеченной слушательницей Бембеля, как и его студенты, с изумлением открывая новую картину Мироздания. Ее живописанием она и предварила «диалоги».

Догадайтесь, как Аристотель (в У1 веке до нашей эры) сообразил, что Земля – шарообразное тело? Коллега моя не стала застревать на этом, ибо важней знать нам, как поте-

шались над этой остроумной догадкой и современники Аристотеля, и его далекие потомки. Не уставали хохотать около двух тысяч лет. Ну смех же голимый: как это люди-то не падают с поверхности нижнего полушария в звездную бездну.

Степень инакомыслия Бембеля, самая невыносимая острота противоречий сводится к тому, что он представляет Землю (как и всякое небесное тело) открытой системой *а таковой является и сама Вселенная.* Как могут быть природные ресурсы конечными, если земную плоть беспрестанно пронизывают потоки эфирной энергии из космоса? – восклицает Роберт Бембель. И его студенты во все уши слушают, как в термоядерном котле планеты из эфирной материи безостановочно рождаются вещество и энергия *по вселенскому закону «Все из себя».* Как восходящие из центра Земли вихреобразные выхлопы (открытые Бембелем геосолитоны) играют роль реактивного двигателя в непрерывном космическом маршруте планеты. Не может это, конечно, не наталкивать на мысль, что Земля обладает системой самоуправления, в то время, как официальная наука все «валит» на деятельность Солнца. Положение Бембеля в такой зашоренной науке напоминает судьбы ученых-еретиков Средних веков. Барабанова позволила себе такую аналогию, подсказанную любителями футбола: прорыв к воротам противника следует ждать скорее, не от центровых, а от крайних нападающих.

Крайними нападающими в науке о Земле и небе кроме

Аристотеля и Джордано Бруно были и Коперник со своими «кругами» вращения планет, и Рене Декарт с теорией вихрей, и Владимир Вернадский, высказавший крамольную идею, что при дегазации Земли часть энергии и вещества уходит в космос *естественный круговорот*… 70-летнего же Галилея заставили публично отречься от своих взглядов и на коленях, с веревкой на шее прочесть заготовленный иезуитами текст: «Отрекаюсь, проклинаю и гнушаюсь ереси движения Земли *едрена ворона, раз у вас мозги помутились*…» Между тем Галилей, как рассказывает Бембель своим студентам, открыл движение Солнца вокруг своей оси. С позиций эфиро-геосолитонной концепции это вращение объясняется реактивной силой выбросов из Солнца – назовем их солнечными геосолитонами. Их роль играют протуберанцы разной мощности, которые мы видим как пятна на Солнце. Но первым разглядел их в свой телескоп Галилео Галилей. А именно через темные пятна можно наблюдать холодное, мерзлое тело Солнца… У Бембеля телескоп – голова!

«Студентке-бабушке» Барабановой помогали вникнуть в непостижимые, казалось бы, сферы иносказания Бембеля типа: «Фотон несется с огромной скоростью подобно всаднику *без головы,* оседлавшему эфир». Образное это мышление, язык другой, но истина-то остается прежней. Курс целостного естествознания, который ведет Бембель, подчинен принципу системности, какой Курт Гёдель выразид некогда так:

нельзя полностью понять, объяснить и эффективно использовать ни одну систему, находясь в рамках модели ее. **Для полноты понимания надо выходить за рамки предмета, явления.** *Так за рамки сюжетности помогают мне вырваться реминсценции.* Притча о слоне и слепых мудрецах, а ее приводит в своих лекциях Бембель, весьма красноречиво убеждает в этом. Действительно, один ученый исследует только хобот слона, другой сосредоточился на ноге или ушах. Истиной владеет зрячий мудрец, что стоит в сторонке, видя всего слона, и лукаво улыбается…

В школьные годы еще Роберт Бембель посредством нехитрого эксперимента убедился, что свет имеет давление. Юноша смастерил примитивную, как он думал тогда, вертушку. Под колпаком, из которого выкачали воздух, укреплен был стержень, на нем игла, а к ней прикреплена станиолевая вертушка. В кабинете гасят свет, включают обычный фонарик, и от его тонкого направленного луча внутри колпака начинается вращение вертушки.

На такое открытие подвигнул своих питомцев учитель физики Петр Петрович Волков… Открытием же давления света как такового через посредство нехитрого устройства поразил присутствующих на Парижском конгрессе физиков в 1902 году русский ученый Петр Николаевич Лебедев… Это было самым ярким событием конгресса. С Бембелем Людмила Барабанова легко прикоснулась к великой идее, и съяснилось моей коллеге по газете-молодежке, почему две

звезды, излучая свет друг на друга, отталкиваются и почему во Вселенной нет гравитационного коллапса слипания небесных тел (отталкивающая сила фотонов). И как мантру повторяет теперь про себя чувствующая себя ученицей Бембеля тюменская публицистка любимую Бембелем пушкинскую строфу:

О сколько нам открытий чудных
Готовит просвещенья дух:
И опыт – сын ошибок трудных,
И гений – парадоксов друг!

Рассказываю Бембелю, что размышляючи о Солнце в юности еще, я всегда недоумевал, как так жидкое оно, расплавленное, летает в космосе. Не укладывалось это у меня в голове. Чисто интуитивное было такое чувствование. Говорю также, что читал у какого-то из мыслителей Эллады, и есть об этом в романе, что он судил так: пылающее Солнце – жаркие облака, плазма, скажем по-современному, а темные солнечные пятна – это проглядывается твердый шар звезды…

– Ученый ХУ111 века Гершель на основании баллистических свойств протуберанцев сделал заключение, – сказал Бембель: – раз оно стреляет, значит, светило твердое. Все.

– А твердое – значит холодное, – этой мой уже врез, – будь оно расплавленным – не стреляло бы… Вот и веду я речь о ледяном Солнце.

– Нет, не мерзлое оно, – возразил мой визави.

= У меня в романе оно будет мерзлое, Роберт Михайлович.

– Дерзкий ты мужик.

– Дёрзкий, как говорил мой дед по отчиму Илье Леонтьевичу Алферову хоперский казак Левон с Юткиной горы. Настоящая литература это вызов, как порыв она. В кровоток впитал я такое понимание ее, какое прокламировал Жорж Батай.

И добавил потом, что это ж мешанина из твердых каких-то пород и льда. Как у Сатурна.

– Сатурн для меня сейчас святое. Ты знаешь, что плотность его 0,7 кг на кубический см. Меньше, чем плотность воды. Я сейчас пишу об этом в своей книге. Ключ для разгадки Сатурна в планете-спутнике Гиперон. Это кусочек Сатурна, который заснят космическим аппаратом «Кассини» (это имя одного знаменитого итальянца, в честь его назван) с близкого расстояния. Сатурн же из-за плотной атмосферы не виден, а Гиперон – как на блюдечке. *Это альтер эго Сатурна.* Кусок вылетел из «пушки» Сатурна – так он появился. Имеет он малую плотность, 0,5 кг на кб. см. Гиперон весь изрыт, в сплошных воронках. *Кратеры на Луне не то же ли?* Сама структура его создана как раз пушками. Глубокие колодцы, заполненные газом. Структурно толща Гиперона сравнима с такими стройматериалами, как туфы, пемза. Губчатый весь спутник Сатурна, разрыхленный. Кто

или что это сотворил? Солитон. То есть тороидный вихрь. Вулканы, как ты говоришь, не обязательно горячие. Могут они быть и холодными. Остались тонкие стенки, заполненные пустотой. Отсюда я сделал вывод, что так называемая гипероновая оболочка на всех больших планетах, включая Солнце как звезду, рыхлая, малоплотная. В ней может существовать жизнь и высокая цивилизация. И на Юпитере, и на Сатурне, и на Солнце. Оболочка там толстая, с тыщу, может, километров. Можно строить там города, которые будут защищены от жары и от холода. *А я уже построил город на Солнце!*

Я с широко раскрытым ртом слушал Бембеля, а мысли кипели: «Это ж потрясающе! Два еретика собрались, и такое нарисовали, что не прочтешь ни в одном фантастическом романе».

– Думаю, что такая же оболочка существует и на Солнце, – продолжал Бембель. – Жить можно в ней. А если есть аппараты – вылетать можно наружу и возвращаться домой.

– Я тоже знаю об этом, краем уха-глаза – через Интернет. С 12 ночи до часу примерно, закончив дела с текстом, лажу в нем.

– Я тоже немножко займаюсь им ночами.

– У кого-то проскользнула мысль, что в центре Земли есть цивилизация.

Судя по сообщениям финской газеты и последовавших за этим сообщениях в англоязычной прессе, буровики Коль-

ской сверхглубокой скважины добурились до ада и записали на спецмагнитофон человеческие крики на глубине. По легенде, буровики со страху разбежались, скважина теперь покинута и являет собой жалкое зрелище безлюдного места с некоторыми артефактами размещения здесь буровой. Дмитрий Глуховский написал на эту тему рассказ «FromHell», который был опубликован в журнале «Русский пионер». Вот фрагмент рассказа:

«В результате уникального и беспрецедентного эксперимента по глубинному бурению, проведенному нашей научной группой, было установлено, что при проникновении в земную кору на глубину более чем в три тысячи метров, вопреки всем существующим прогнозам и общепринятому мнению, не было обнаружено ни верхней, ни средней, ни нижней коры, сложенной метаморфическими и магматическими породами. На указанной глубине вскрываются огромные полости, населенные весьма своеобразной фауной. Имеем все основания полагать, что нашей группе удалось обнаружить место, известное в мифологии различных народов, как ад».

Начальник Кольской сверглубокой ученый Готлиб, как явствует из рассказа, заявил:

– Ухожу из геологии. Планирую заняться астрономией. Мне кажется, в небесах еще тоже предстоят открытия. Не подскажете, где тут ближайшее метро?

– В центре Земли, я думаю, вряд ли имеется цивилизация. Объясню, почему. Микробы есть. Для того ведь, чтоб

там что-нить такое появилось, нужна структура для высокой цивилизации. Скорее, она есть на Солнце, чем на Земле. Знаешь, почему так думаю? Солнце старше нашей Земли ну, на миллиард лет. Когда оно было планетой, там развилась цивилизация и за миллиарды лет приспособилась к изменяющимся климатическим условиям, и стали там *некто* жить-поживать. Они там родились, там они и живут. *Ни словца не меняю в сказанном Бембелем, дорогой читатель. А звучит у него не предположительно, а утвердительно. Здорово это, громадьяне?* Плотность Земли 5,4 г на кубический сантиметр. Это очень тяжелая, плотная среда. Заметь, что плотность воды – 1, земной толщи – 1,5—2, а в среднем 5,4. А у Солнца плотность всего 1,4 на кубический сантиметр. Очень легкое оно, такое же, как Юпитер. Все гиганты имеют маленькие плотности. Чем больше, тем активнее работают геосолитоны *пушки*, которые создают рыхлую биосферу толщи, в тыщу км, может быть. Объем большой, но структура губчатая. Больше пустот в ней. *Думаю я, уж не до пустот ли добурились на Кольской сверглубокой, когда услышали там через приборы разные визги и стенания, что подумали об аде и, перепугавшись, разбежались, если верить иностранной прессе.* Я пишу книгу, в которой выдвигаю гипотезу, что в Солнечной системе, на Солнце существует жизнь от микробного до самого высокого уровня цивилизации (*закон «Все в себе» действителен для всей Вселенной*). *Это мне, писателю, сотворившему фантастный город на Солнце –*

елей на душу. И другое, о чем думаю. Читал интернет-сообщения о том, что на Солнце, в плазмы его влетают и вылетают из него некие аппараты наподобие НЛО. Так стрижи ныряют в норы береговых срезов и выныривают из них. Уж не из реальной ли они солнечной цивилизации? Но почему тогда не заинтересовались землянами, что ведут уже такие прицельные наблюдения за Солнцем и другими планетами и звездами? Если уж у них есть НЛО, то тяму-то в головках не меньше, чем у землян… Или мы им неинтересны? Или пугать нас не хотят? Или считают, что мы на Земле не поспели для встреч с солнечниками? Или других каких-то забот по горло? Что им земной курятник с законом его – какнуть на ближнего тому, кто выше?.. Америка с Обамой нынче легко это делает… Это, конечно, высокоразвитые цивилизации. Они, я не сомневаюсь в этом, существуют.

– Роберт Михайлович, ныне прогресс так шагнул, со временами Эллады не сравнишь. Каким тогда образом мудрец того времени догадался, что солнечные пятна на Солнце, – это твердь светила, просматриваемая через пылающие облака? *А великий Гераклит утверждал, что «мир единый из всего, не создан никем из людей и никем из богов, а был, есть и будет вечно живым огнём, закономерно воспламеняющимся и закономерно потухающим».*

– Я этого не читал.

– У меня в романе точно написано об этом.

– Что холодное Солнце *как шар*, я знаю. Концепцию жиз-

ни на моей лекции мы рассматривали. Вспоминали Булгакова, что рукописи не горят. Что жизнь вечна. Так считал Вернадский. Так я считаю. Просто живое состоит из двух частей – материального и духовного. Умирает только материальное, а духовное остается. *В «Хронике» своей жизни В. В. Розанов подводит черту: «В общем, я все время неуклонно работаю. Готовлюсь к уходу из жизни. Никакого страха. Распадение на атомы и молекулы. Если кто может оставаться – то переходит в другое живое, какие-нибудь единичные формы „переселения душ“. Но в распадении на атомы (и даже протоны – А. М.) вера Вивекананды неопровержима в современном состоянии науки. Атомно живой индивид – и я в том числе – о с о б о е я». И не «бредики» и «ужасики» это Розанова, а интуитивные его прозрения, как означил их Андрей Белый. «Мы так привыкли к миру и его обороту, так привычно произносим: „рассветает“, „смеркается“, что нам и на ум не приходит, что могло бы быть совершенно иначе, что земля могла бы быть недвижима, и солнце вечно пекло бы одну ее сторону, а другая вечно леденела бы! „Так все обыкновенно“, – произносим мы о том, что совершенно необыкновенно: ибо не понятнее ли было бы, чтобы и солнце, и земля, и все прочие планеты лежали как красные и темные камни друг около друга, одни горячие и другие холодные.* ***Но таинственная жизнь разлита всюду*** *(выделения – А. М.), планеты и солнца не изолированы, а связаны в „системы“, и от соотношения чле-*

нов в каждой системе все в ней, каждая планета порознь, каждая страна на земле, умирает и воскреснет. На место возможного „обыкновенного“, – груды мировых камней в бессмысленной куче, – мы имеем и наслаждаемся совершенно необыкновенным: и каждую весну с восхищением смотрим на бегущие по талому снегу ручьи, а каждую осень срываем спелые плоды в садах своих!» ***(В. В. Розанов. «Смерть и воскресение»).*** Вопрос: а это что такое? Программа, как в компьютере. Только записанная на эфире, как носителе ее. *Не можешь не думать о фосфоресценции мысли над планетой, читая Тейяра де Шардена.* Это память Вселенной, в которой все записано, там ничего не пропадает. ***Никита Джигурда:*** *Мы – наследники атлантов. Мы – наследники знания, которое запечатлено в тонких слоях ноосферы. Записано всё – все ходы, все мысли и желания каждого. Вот какая игра идёт*. Ты вот про Элладу говоришь. О ее ученых. Спросим тогда: а что же или кто же есть гений? Как Менделеев, Ломоносов. Что, они сами придумали то новое, о каком мы говорим?

– В содружестве с мировым разумом, Роберт Михайлович, это я говорю убежденно. Во-первых, гений – тот, кто не забыл, не заглушил в себе ребенка, а дети все гениальны, за исключением больных. Удручающий ведь контраст видим мы, как заметил Зигмунд Фрейд, между лучезарным интеллектом ребенка и вялым рассудком взрослого. *Когда моей дочке было семь лет, она спросила, что я делаю на рабо-*

те. Я тогда преподавал в колледже и ответил, что учу людей рисовать. Она в недоумении уставилась на меня и говорит: «Ты хочешь сказать, они забыли, как это делается?» ***Говард Икемото***. Второе: гениальным человеком движет не новая идея. Вот она сияет перед тобой. Нет. Ясно ему становится, что сказанного ранее все же недостаточно. Согласен я в этом с Эженом Делакруа. Новое вырастает, как дерево, а вернее прирастает.

– Дело все в том, что **гений своими мозгами может считывать информацию из космоса** (выделение – А. М.). *Немудрено: голова – орган космической связи. Подобие ретранслятора.* Он не сам придумывает, а именно считывает. *Омар Хайям, между прочим, решал квадратные уравнения и считал, что Земля вращается вокруг своей оси, обращаясь вокруг Солнца.* Я вот выступал на международной конференции в МГУ и говорил там, что Михайла Ломоносов опубликовал свою статью о природе землетрясений в 1757 году. Так в этой статье уровень понимания намного выше, чем у всех современных академиков-физиков. Как? Значит, Ломоносов тоже обладал даром считывания. Имели такой дар Леонардо да Винчи, Менделеев, Вернадский, Ярковский. *Эдисон знал, что говорил, когда сказал: «Идеи приходят из космоса». Из той же оперы касательно музыки: Композитор – только рупор небес (****Карл Хайнц Штокхаузен****). По Андре Жиду, искусство – это соавторство художника и Бога.* Простите меня за нахальство, но нет у ме-

ня сомнений, что этим даром обладаю и я. *Мой друг геодезист Юрий Видебура считает, что таким даром обладают 4 процента людей, остальные – рутинеры. Расхожей уже стала мысль о талантливости русских. О массе гениев знает мир. Об иных же – нет. Но они, люди, воспринимающие мысль из космоса, когда как бы «считывают» её – тоже реальность. Обладают такие творцы «даром нечаянности»», как сказал бы Поэт, силы, чреватой непредвиденными открытиями. Так что 4 процента Видибуры – это известные на весь мир творцы и – неизвестные. Но это не столь важно.* ***Космос гениев знает…*** И когда у меня спрашивают о моих работах, где я, мол, это взял, отвечаю: «Я считываю из космоса».

Стихи, они с небес
Я – перевожу.

Г. Шпаликов

Вот и все. Чего я вам врать буду? *Действительно, чего?* Похоже на правду. *Люди вообразили, будто человеческий мозг находится в голове. Совсем нет. Он принесен ветром со стороны Каспийского моря… (**Записки сумасшедшего. Н. В. Гоголь***). Гений музыки Амадей Моцарт тоже ловил ее, считывал, то бишь, из космоса. Он так описал «сеансы связи» с космосом, хоть этого в объяснении у него нет: «Когда я совершенно тако, как есть, совсем один и в хорошем настроении, – например, еду в карете, прогуливаюсь по-

сле добрго обеда или не сплю ночью – вот в такие моменты приходит больше всего идей. Откуда и как они являются, не знаю и вызывать их не умею…» *Древнее знание, писанное в Ведах, рунических письменах, в Велесовой книге также покоится на источных посылах из космоса. О царе Салтане, «море-окияне» и острове Буяне в стихотворной сказке Пушкина – почерпнутое из «архивной» информации о стране Беловодье. «Сходил в историю и записал», – говорят в таких случаях. Явный показатель это, как говорят знатоки, посвященности поэта в святая святых древнего знания. Писано в стародавних текстах: «В первую очередь Великие Предки заселили большой остров в Восточном море, называемый Буян, ныне это территория Западной и Восточной Сибири». Можно сказать образно, стало быть, что не живем-обитаем мы здесь, а «буяним». Отсюда и сибирский характер. Трепещи народ, «буян» идет. Немцы, по крайней мере, познали что есть сибиряк, защищающий от врага родную землю. Не улыбнулось фрицам по Красной площади погарцевать…*

Буяны, еретики в Сибири не перевелись. Не такие огненные, может, как Аввакум, а наоборот, тихие, скромные и незаметные. Таков ныне друг мой геофизик Юрий Алексеевич Курьянов, на фазенде которого в тайге у озера ловил я рыбу на следующий день после моего 75-летия.

Проницающий недра

Наша, вернее, курьяновская «вольвочка», по-моему, – не очень я разбираюсь в марках машин – вырвалась на загородный простор из крючьев бесконечного автопотока Тюмени (все города нынче таковы) и мчит в заветные леса, овеваемая встречным ветром. Солнечно, даже жарко. В пути в дороге на Аракчино. Курьянов поставил кассету, пояснив:

– Доченька Юля из Швейцарии привезла.

Звучит ненавязчивая мелодия. Знаменательная песня: «Не раздражай меня». Само по ментальности моего друга, изжаждавшегося по тишине. Целебное такое спокойствие потребно и людям на берегу Швейцарского озера.

Под журчание двигателя идет неспешный разговор. Курьянов только из многооблачной и густой суеты столицы, изгрезился по благостной тишине и покою и заводит речь о том, что ему крайне интересно, об астрофизике, мир которой открылся ему в последние годы, а маэстро по этой части Тхвана он открыл, как я понял, совсем недавно. Походя упомянув его, начинает с аб ово, как говорится, о зарождении мира, что жгуче интересно и мне:

– Протончик, манюня какая-то, был ядром зарождения Солнца, звезды, планеты. Чем больше было протонов в ядре, тем выше состав… Это после Большого взрыва, когда образовалась Вселенная. Удивительны снимки звездного мира,

сделанные с помощью космических аппаратов. В ядре Солнца температура несколько миллионов градусов. Над поверхностью всего 6 тысяч, другое давление. В холодном космосе минус 290 градусов… И вот на этом контрасте вся таблица Менделеева. Чем ближе к ядру, тем тяжелее элемент. Синтез этих элементов обусловлен давлением, температурой, скоростью разогрева электронов и так далее. Так образовались железо, золото и пр. Цепные реакции…

В моем сознании будятся разговоры с Курьяновым о происхождении нефти. «Гиперболоид инженера Гарина», расплавленное золото в магме. Все из ядра…

– Юрий Алексеевич, сколько вы уже живете в Москве?

– С 16 февраля сего года.

– Молоденький москвичок.

– Приходится подстраиваться.

Курьянов – вечный запальник думок моих и размышлений о Москве. Глава даже большая в роман зародилась о ней.

Москва – столица, моя Москва…

Москва – сама смута, корень ее как заявлял один мой сосед по даче. «Если уж Уральская республика объявляет себя сувереном, – потрясал он эмоционально вилами, направляя их в небо, будто апеллируя к всевышнему, – пусть лучше отделится от России Москва, раз она забиякистой такой стала. Звону, звону там! Ну, и что? А то. Когда на Москве густо звонят, в провинциях жидко едят. *И знамо, если по аналогии времена спараллелить. Князь-вольнодумец времен родоначалья дома Романовых Иван Хворостинин так высказался о благочестивых столичных обитателях: «Московские люди сеют всю землю рожью, а живут все ложью».* Вон сколько словес о Продовольственной программе, а в магазинах пусто. На правду не много слов надо, Петрович. Уповаем на Москву, а Родина-то большая.

Но я, надежды не тая,
Свой хвост держу трубою:
Страна совсем не значит – я,
Но Родина – другое!

Николай Старченков, тюменский бард

Столицу страны можно основать и в Сибири, благо, что географический центр ее под Тобольском. Меньше смуты будет – здоровей жизнь потечет в государстве. Мы – на-

род от земли, а не от асфальта, и по-земному хотим жить». Но не так, как ныне, в неоне и стеклобетоне, когда будто о Москве читаешь в письме у Гоголя: «На Петербурге же нет никакого характера: иностранцы, которые поселились сюда, обжились и вовсе не похожи на иностранцев, а русские в свою очередь обыностранились и сделались ни тем, ни другим». *Пока в граде нашем богоспасаемом мы больше лексикой на рекламах всякого рода обыностранились, но и это тревожно: слово может сволочь в адову бездну.* Но вот начало века, свидетельство, приехавшего в столицу великого космолога Александра Александровича Фридмана: «В Москве, по обыкновению, суета и сутолока; некоторые называют это жизнью. *Суетой суетствий назвал бы ее А. И. Герцен.* По улицам неисчислимое количество разносчиков, торговцев, бесчисленные магазины, лавчонки, трактиры, пивные, рестораны и прочие «столовые», тянутся цепью «ломовики», масс извозчиков *таксистов*, переполнены трамваи *метро.* Приехав в Москву, я сразу попал в цепь злоключений…»

Москва – государство в государстве. *И не всем оно ндре. Потрясли меня в свое время эти строки Виктора Ерофеева в знаковой для нашей эпохи его книге «Москва – Петушки»: «Все говорят: Кремль, Кремль. Ото всех я слышал про него, а сам ни разу не видел. Сколько раз уже (тысячу раз), напившись или с похмелюги, проходил по Москве с севера на юг, с запада на восток, из конца в конец, насквозь и как попало –*

и ни разу не видел Кремля». Это – неизвестная земля Terra incgnita для всех тех, кто не пользуется в нем правом гражданства, кому указать могут и указывают в ведомствах разных особенно: гуляй Вася! Вы, мол, живете себе, а мы – сами себе, государство – это мы. Ни от чего иного признавалась великая Галина Уланова, любившая Питер: «Мне все время кажется, больше половины жизни, что я в командировке в Москве». И таких «командировочных» – пол-Москвы. *Одна из них Лида Уланова, «подружка моя», как это значилось в нашем общем дружеском лексиконе, Подружка по молодости, по геологии. Журналистка оно до мозга костей. Мужики плачутся в наши советские времена, что гонораров нету и что маленькие они, и так и канючливо и полубездельно живут, прозябают. Лида же печатается во всех наших газетах. Гонорары у нее большие, достаточно на Юга махнуть, родную Москву проведать. Глядя на стоноту разную в нашей среде, скажет лишь: «Пахать надо!» И пашет, как пашенный истый крестьянин. Живя в культуре, она – аристократ, в природе – крестьянин, точно по формуле Кнута Гамсуна, великого шведского труженика литературы. Сейчас в Москву вернулась Лида Уланова, где маму похоронила. И уж окончательно близ могил родных и осела. В столице в «командировке» бессрочной теперь подружка моя. Работает ответсеком в журнале «Вестник Западно-Сибирского землячества». Часто пишет сама. Мне посылает журнал и иную московскую прессу. Я в курсе дел московского*

дружества тюменцев. Таким образом, в Москве виртуально бываю я, она – в родной ей навек Тюмени. Поместила в номере, посвященном 425-летию первого русского города Сибири интереснейший исторический материал. И что из него извлечет читатель? А то, что основали Тюмень «пашенные крестьяне», что «Ни одна из сибирских местностей – как то констатирует в „Истории Сибири“ Миллер, – не обладает, кажется, такими преимуществами. Место, занимаемое Тюменью, тянется во все стороны на ровной высоте и покрыто плодороднейшей пахотной землей». В «Историческом обозрении Сибири» славного тоболяка Петра Словцова есть знаменательная строчка: «Если рассматривать русско-сибирское земледелие как искусство, а не как производство народного хозяйства, то оно могло развиваться от первоначального, в 1590 году перенесенного тридцатью сольвычегодскими пахарями». Так что кто в жизни от тридцати сребренников пляшет, мы в Тюмени, я да «подружка моя» это уж точно, – от тридцати пахарей. Так что начинался сибирский землепашец отсюда, с берегов Туры. С Казачьих лугов, откуда пошел на Кучума знаменитый Ермак…

Писалось в хронике того времени: «На речке же на Тюменске мельница мутовчатая пашенного крестьянина Тренки Метелева, у него, у Тренки, под деревнею мелет зимою и летом одними жерновы, а вода немалая».

Опирался Словцов, ведомо то, на цитируемый им царский

указ Федора Иоанновича от 1590 года. Вот он дословно:

«Выбрати в Сибирь на житье тридцать человек крестьян с женами, детьми и со всеми их животы, а у всякого человека было бы по 3 мерина добрых, да по три коровы, да по две козы, да по три свиньи, да по 5 овец, да по двое гусей, да по пятеру кур, да по двое утят, да на год хлеба, да соха со всем для пашни, да телега, да сани и всякая рухлядь, а на подмогу им дать по двадцать пять рублей человеку». Это в царевы-то древние времена. А мы в веке коммунном – кулачить таких, зорить до основания, расстреливать, в Сибирь на погибель слать…

Доцент Александр Стефанович Иваненко, рачительный к любому артефакту человек, открыл первую пашню в нынешней черте Тюмени. И где? В центре самом «столицы деревень», в районе улиц Челюскинцев и Семакова, рядышком, можно сказать, с областной филармонией.

Вот на какой кусок в романе моем вдохновила меня пахарь великий на сцене Галина Уланова… Думается мне обо всей эпопее с нефтью и газом, о подвиге, что свершили и вершат здесь тысячи россиян, что шла и идет здесь великая, историческая пахота. Это громаднейший клин в будущее Руси, что «миру путь укажет»… Пол-Москвы тех, коим она будто вещает: «Интересы Родины – ваши, интересы карманов наших – наши». Так славной смертию свобода умирает, и звучит из подвалов будто X1X века:

В сердце грусть тяжелая —
Сил нет с ней расстаться…
Пуще безотрадная
Грусть одолевает
И больней нещадная
Душу разъедает…

В Аракчино уже, поклевывая вишенки из большого блюда, за массивным деревянным столом «дружина хоробрая» численностью в два человека продолжает беседу, начатую в дороге.

– Что вы сейчас думаете по разломам земной коры, Юрий Алексеевич?

– Я больше в них уверен. Больше фактов появляется. Связано все с движением плит в основном. Уже есть карты. Закартированы динамонапряженные зоны, зоны вулканической деятельности и т. д. И по ним идут из недр жидкие полезные ископаемые.

Стезя этого разговора мне известна давно, и я с интересом слушаю геофизика.

– Где тонко, там и рвется. А где рвется, там есть пути миграции любых минеральных ресурсов, которые все время связаны с ядром нашей планеты.

– Как я понял, вы в этом еще более укрепляетесь?

– Как иначе гигантские массы руд просочатся через литосферу?

– Я на этот счет написал в романе, что в недрах работает

как бы пахталка.

– Все происходит под действием громадных девиационных (*отклонение движущегося тела от заданного направления*) сил, связанных и с вращением Земли вокруг своей оси, но она же еще движется по орбите (*а движение галактики*?). Мы просто не представляем себе чудовищность этих сил. Как иначе заставить двигаться с такой скоростью земной шарик с громадной его массой. И пролетая где-то мимо других гравитационных влияний, начинают силы работать друг с другом, и случаются катаклизмы и прочее.

– А вас такая проблема не интересовала: есть силы тяготения, а дальше идет невесомость. А между ними ведь имеется граница, срединная линия. Эта биниальность очень интересная.

– Но сие вовсе не означает, что там отсутствуют разные силы, просто они уравновешены, и не более того. Эйнштейн еще пришел к тому, что силу невесомости можно создать и в падающем самолете. Все относительно. Падает аппарат с громадной скоростью, притягиваясь к Земле, а в это время идет уравновешивание силы. Любое тело начинает парить.

– Вспомнился мне спортивный самолетик, Ишим и друган-пилот Курочкин, как кувыркались с ним в атмосферах. Испытал я это. Было такое дело. Отрываешься от кресла… Ладно, с плитами ясно. Еще что можете сказать по разломам?

– Это данные в природе, от них никуда не уйдем. Если

недавно еще говорили, что разломов в Западной Сибири нет, с помощью геофизики показано, что они присутствуют. Везде практически. Их больше в фундаменте, меньше в мелу, поскольку это было снивелировано осадками. Но они были и они есть. Залеченные, но куда деваться.

– Ну-ка, ну-ка. Любопытно. Есть общее такое утвердившееся мнение, что нефть осадочного происхождения, из органики. А вы говорите о разломах и о неорганической версии.

– Сами по себе разломы ни о чем не говорят. Это все-таки как труба *для движения углеводородов,* понимаешь ли.

– Сходится опять, органика – неорганика.

– Дело не в этом. Вот свежий пример. Сейчас крупнейшие открытия сделаны во Вьетнаме. За что известному одному российскому геологу дали звание Героя Вьетнама. Он открыл месторождение кварцевых сланцев, которые никакого абсолютно отношения к органике не имеют. Это типичные порфириты, представленные зоной большой трещиноватости. Они насыщены нефтью в громадных объемах. А он сам был органик. Но говорит теперь: я все больше убеждаюсь, что нефть во Вьетнаме и органика, как седло и корова *это сколько нужно было трупов для образования нефти!* Она сформировалась и находится в изверженных породах.

– Интересно, я не знал этого.

– Месторождение называется Белый Килер. Геолог этот – зам Председателя ГКЗ России. Фамилии не помню. Я видел

его на наших посиделках в РАЕНе. Мы отмечали премию Правительства в ресторане «Прага». Он с президентом нашей академии Олегом Леонидовичем Кузнецовым близок… Важен сам знак Лауреата. Самая высокая награда Премия Правительства в области науки и техники. Выше нет. Тут за 2008 год. Курьянов – в числе других, в группе. Под руководством Кузнецова. Он духовный руководитель проекта. Дали «За создание и внедрение инновационных технологий в области сейсмоакустики». Кузнецов общается в коллективах. Я прилетаю в Москву, и 3 июля соберемся, будем думать, как жить дальше. Надо внедрять свои дела. *Ныне много говорят о нефти будущего. Упор на – рубль. Спорить не будем. Но. Упор – на ум был, есть и будет основой любого продвижения вперед.*

– Поэтому и стоит речь, чтобы организовать партию в Тюмени или филиал…

– По инновационной технологии. Все остальное мне не интересно.

– А если конкретно, то, что и чем, как говорится, заниматься будет партия по линии новья?

– Мы научились регистрировать принципиально новые волны, рассеянные. Они существовали всегда. Но поскольку их интенсивность в тыщу раз меньше, чем отраженных волн, они терялись на общем фоне. Теперь мы научились их выделять. Неинтересные нам волны, которые мы считаем помехами, мы их давим. Подчеркиваем с помощью апертур.

Угол между крайними лучами конического светового пучка в оптике – апертура или отверстие прибора, определяемое размерами линз и диафрагмами. Антенн, на поверхности. Ставим их и в пассивном режиме или в активном, когда мы возбуждаем колебания с помощью вибратора или взрывов, и волны доходят до зон трещиноватости. Потом эти рассеянные волны возвращаются опять на поверхность. И мы их фиксируем, ловим с помощью антенн диаметром в 2 км. Видели же радары, что самолет отслеживают.

– Радар – чашка ж?

– Наш-то состоит из точек, образующих чашу, сеймоприемников. Собираем все эти волны, записываем и на обработку потом. Усиливаем.

– Хороши чашки, много в них кашки… Что же удается выявить сегодня с помощью рассеянных волн?

– Есть такой феномен как баженовская свита, связана с нефтематеринской породой. Мы считаем, что вся нефть, которая находится в бажене, связана с зонами трещиноватости. С помощью зон локации выделяем их и говорим: вот в этом месте будет нефть, а в этом нет. Все просто. Да-нет.

– Тотальный облов неводом, как вы образно поименовали это? Но тут к неорганике идет?

– К чему угодно. К дебитам высоким.

– Практически опробованы новации? Где?

– На Северной Демьянке. В Восточной Сибири, на месторождении Куюмба. Там, в общем, где другие методы, тради-

ционные, ничего не давали. Только рассеянные волны показали зоны максимальных дебитов. По Куюмбе практически 100 процентов. И уже таких примеров тьма. *Авторы изложили результаты этих своих исследований в 3-ем томе монографии «Сейсмоакустика пористых и трещиноватых геологических сред». Стоит сказать, что посвящен он памяти Людмилы Николаевны Чиркиной, талантливому геофизику, первооткрывателю месторождений нефти и газа в Оренбуржье, соавтору данного научного труда. Ну, а теперь еще к рассказанному Курьяновым. Приток нефти, полученный на Северной Демьянке, с дебитом более 300 т/сут. стал максимальным не только для месторождения, но и для данного района нефтедобычи. Для сравнения можно заметить, что средний дебит добывающих скважин на этом месторождении на порядок ниже. Получены хорошие результаты на ряде месторождений, которые разрабатываются относительно долго. Это Ромашкинское в Татарстане, Росташинское в Оренбургской области, Ахваз в Иране, Кармополис в Бразилии и другие*

– Мне это оч-чень интересно!

– А нам оно интересно с точки применения на практике, в промышленности. Во-вторых, это намного дешевле, чем траление Западной Сибири с помощью сейсмотехнологии 3 Д и пр. Намного экологичнее ж. Не надо рубить просеки и т. д. Мы расставляем сейсмоприемники (*антенны*) на поверхности и работаем в режиме мониторинга. Месяц стоим,

месяц сьемку ведем, слушаем, что делается в Земле. Дошли до этого российские геофизики.

Чуть было не воскликнул я: «Фантастика!» Сдержался, однако, зная на данный момент, что есть уже все возможности у нас вести волновую разведку недр из космоса. *Как это ни фантастично, но можно, имея соответствующие приборы, просто ходя по земле, открывать месторождения углеводородов в недрах. Побывавший недавно в Тюмени Валерий Грайфер из легендарного поколения нефтяников, чьи колоссальные усилия позволили нашей стране покорить «Тюмень за 18 лет сверхчеловеческих усилий», как писал об этом в 1978 году американский журнал «Ньюсуик», заявил: «Мы научились вести поисково-разведочные работы с применением современных методов, в том числе биологических. Может быть, удивитесь, но месторождения „дышат“. Современные приборы позволяют улавливать это „дыхание“ – наличие углеводородных соединений над поверхностью земли. Теперь есть возможность даже по анализу снега определять наличие углеводородов». То есть к чему мы приходим? К тому, что на первый план выдвигается опять-таки натуралист-созерцатель, как можно бы сказать об этом. Таковым же был и трудяга-геолог Михаил Мезенцев с сотоварищи, что маршрутничали по Земле с геологическим молотком. Он открыл месторождение золота на Приполярном Урале, доказал, что это алмазоносный район.*

Заговорил я с Курьяновым о Грайфере и о созерцателстве.

Привел мощную, по моему пониманию, мысль симпатичного мне поэта Вильяма Блейка, что Добро пассивно и подчиняется Мысли, А Зло активно и происходит от Действия, что Добро – это Рай, а Зло – это ад.

– А ты где? – лукаво заулыбался Курьянов.

– В Раю, Юрий Алексеевич, я ж созидатель, как мои солнечники, и как акалемик геофизики Курьянов… Энтузиасты и разработчики новья Кузнецов вы и еще кто?

– Чиркин Игорь Алексеевич, Шленкин Сергей Иванович. Все лауреаты премии Правительства. Еще Арутюнов Сергей и ряд других там, *это В. П Дыбленко и Г. В. Рогоцкий.* Два доктора наук, мы с Кузнецовым, остальные – кандидаты. Вот в Москве раскручиваю дело сейчас уже на этапе промышленного применения в больших объемах. Озабочен этим.

– Считайте, что я теперь тоже в стане озабоченных.

– Я вам давал свой трехтомник? Там все описано.

– Я, кстати, в него заглядываю. Но мне живье важно, то, о чем говорим с вами.

– Еще скажу, что есть сейсмическая локация очагов эмиссий. Это как доктор слушает тело человека фонендоскопом, так же мы с помощью этого локатора пассивно слушаем то, что делается в недрах. Знаете ж, что месторождение разрабатывается с помощью гидроразрывов, обводнений и так далее. Это все приводит к изменению состояния недр. И мы слушаем, смотрим, где идет на самом деле продвижение фронта воды, где идет разрыв пласта. Где проехала какая-то

техника. Вопрос: зачем проехала? *Не за водкой ли в поселок дернул водила?* По всему доступна информация. Можем знать, что делается в недрах и на поверхности. Практически можно иметь фактографию по месторождению в динамике.

– Вы можете сидеть год и вести мониторинг?

– Да. Все это в автомате пишется. Находится там один оператор.

– Дак это же фантастика.

– В Тюменской области будем выйдем на это. Недалеко от Лянтора. Будем полтора месяца стоять и мерить. Миша Зарипов исполнять станет все это.

– На месте там и вы попытаетесь побывать?

– Конечно.

– Меня обязательно прихватите.

– Заметано.

– У Зарипова своя фирма. Я взял его на подряд. Михлен Алимчанович. Миша все его зовут. Он у меня в «Тюменьнефтегеофизике» работал. У Федотова базируется.

– Это ж моя писательская площадка, опорно-опытная база, полигон мой, можно сказать. *Как «Территория» у Олега Куваева.* Я же его найду.

– Найди. Все кругами сходится. Правильно сказал сибирский наш академик Николай Никитич Пузырев: «Мы же живем на поверхности».

– И по эллипсоиду, и по кольцу, как в космологии Тхвана.

– Как-то в этой жизни все группируется, кучками. *Как бе-*

лые грибы-бутусики.

– Невольно вспомнишь тут Ломоносова. Здорово же судил о науке геологии – проницать недра взглядом. А он есть в этой книге Сергея Петровича Капицы «Жизнь науки», что ты привез мне из Москвы.

– Все величайшие ученые мира там представлены.

– Я уже много чего успел из нее ухватить. Могучая кучка *белых грибов в науке.*

– Как это ты?

– Я грибник заядлый. Читаю страницами.

– Ленин, говорят, так читал.

– Не он один. Панорамное чтение – жизненное явление. Безумно же интересно узнать, что люди думали о мироустройстве.

– Вгрызайся, вгрызайся, – улыбнулся Курьянов и произнес с шуткой: – Голова – главное оружие пролетариата.

– Главнее, что голова – богатственный артефакт Мироздания. Наука сейчас превращается, Юрий Алексеевич, в кнопочную технологию, и все мы теперь, детишки особенно, хомо кнопиенсы, как внучек Илюша мой. Но кнопки ж и тормоз хомо криенсу. Тоже двувратно все это. Важно чтобы кнопки были задействованы в биниальности с живым мозгом человека.

– Сейчас у нас объемная сейсмика. Очень быстро, в автоматическом режиме переносятся параметры на объем – для тебя дотошного уточнение: отражения волн из недр транс-

формируются в обьем. *Понял!!!* И мы этим заворожены, как будто огнем. И начинаем сразу смешнее относиться к этим геологическим подземным полянам и верить в новое дело.

– Каждую секунду все меняется, только мониторинг обеспечивает моменты истины, как говорится. Дело в том, что тут полная достоверность. А это умение дешифровать.

– Совершенно верно.

– Опять же человек!

– Умение сопоставить.

– Мозгов нету, Юрий Алексеевич, – хули техника скажет. Она не соображает.

– Она слизнет *и полетишь в тар-тарары, как я, несмышленыш еще в этой технологии, когда компьютерный вирус слизал у меня пол-романа…*

– Ум только в живой голове человека.

– Молодец!

– Какие заблуждения все-таки у человечества и у отдельных его хомо сапиенсов с этой повальной верой в компъютерный ум. Ум-ум, ум машины и человека – вот биниализм, что обеспечит торсионный взлет по линии прогресса всем планетянам.

А на экране телевизора зазвучала песня Зыкиной, как Волга, что плывет долго-долго, и защемило душу, не до науки стало…

– 80 лет ей исполнилось, – заметил Курьянов, – юбилейный концерт.

– Бесподобен этот голос ее русский, только им и петь о наших раздольях. И забываешь, во что молва о ней, бывает, ввергает.

– Не уйти от нее всем, кто на виду, Александр Петрович.

– Но я к молве прислушиваюсь, это тоже – источник знания. Помню, начав учиться журналистике в МГУ, выписал профессиональный свой журнал. Много лет получал его. Одна публикация из многих служит мне и по сей день. «Журналисту» дал интервью американский социолог Гэллап. Помните Институт Гэллапа?

– Он и сейчас никуда не делся.

– Так вот запомнил я из сказанного этим корифеем социологии, что из того, что являет собой «устойчивое мнение», на опросах оправдывается на 70—80 процентов. Прочел в свое время у французского ученого-историка Х1Х века формульное: «Легенда есть живая традиция, и трижды из четырех случаев она вернее того, что мы называем Историей». Глубокий вывод и биниалится он с гэллаповским. И надо мне в чем-то убедиться в жизни, я их кальку прикладываю.

– Геббельс еще говорил: то, что похоже на правду – близко к ней.

– Если б гитлеризм зиждился на дураках, он бы не принес столько бед человечеству.

А Солнце между тем прошло зенитную свою точку и покатилось на вечер, эволюционируя в живописи происходящего от сиреневых отблесков восходящего солнца до алых огней

заката. Вновь мы с Курьяновым наружи, вдыхаем кислородистый аракчинский воздух. Владелец поместья, как я мыслю порою его, вновь наладил шашлычное производство. Кипит пузыриками от жара мясо на стальных шампурах, запах его щекочет ноздри. Но общение наше с Курьяновым продолжается, вновь витаем мы в высоких материях астрофизики. С квазарами шашлычит, походя, он:

– Квазар поглощает большое количество материи, газа, при большой скорости. Отсюда происходит яркое свечение.

– Шашлыкам твоим тоже потребна пища в виде энергии, и они по-рачьи уже краснеют.

– Но шашлыки – не черная дыра. Лебединая песня квазаров, когда они поглощают галактики, планеты. *Вся жизнь наша, бывает, вверх тормашками туда летит. О дыре только заговори. И смехи и грехи. Сокурсник мой по МГУ, покойный ныне Вова Марков подарил мне листок из накопленного им в «музей маразма» с такой вот историей:*

«Вот как однажды было… Давно это было… Тогда моя мама работала бухгалтером в военном госпитале. У них были такие большие журналы и туда записывались всякие цифири… И вот, то ли какой отчет был, то ли к ревизии готовились, не помню, но ей в помощь прислали солдата. Вот он внимательно что-то считает и записывает в клеточку одного из толстых журналов. Потом пересчитывает и видит, что ошибся. Стирает число резинкой, вписывает другое. Оно тоже оказывается неверным. Он опять стирает

и т. д. Резинка хорошая, бумага плохая. На месте клеточки образуется дырка. Солдат аккуратно пишет число вокруг дырки. А в дырку видно число с другой странички. Служивый узрел непорядок, ставит звездочку, а в сноске пишет соедующее: «Видимому в дыре не верить. Верить написанному вокруг дыры». Выпустил я книгу «Были социализма», предварив ее заявой своей: «Жизнь есть цирк». Да-да, много веселого было в социализме, не без печали, однако, думаешь об этом…

– О жратве ты что ли?

– Да нет. Свет квазаров является лебединой песней разорванного вещества, которое исчезнет в черной дыре навсегда. Ты о звездном каннибализме слышал?

– Да уж прознал о нем во «Вселенной» Тхвана, что дал ты мне на чтение.

– Прыткий ты.

– Ты ж меня и временем ограничил. Я невольник в этом плане. Ну, не является ли в аналогии ярким примером эффективная общность наша с Курьяновым хотя бы на Аракчинском берегу?

Вверглись мы, совершенно естественно, в омут с квазарами… Заговорили о почерпнутом из переведенных в стройную книжку «Вселенная» лекций поэта астрофизики Тхвана начинающим литераторам. Открылась мне в эту встречу и поэтическая душа геофизика Курьянова, который увлеченно рассказывал:

– Все, что у нас есть в природе, было создано в космосе. Готовое Земле досталось… Изначально это было ядро водорода, которое превратилось затем в ядро гелия.

– Ловко ты, Юрий Алексеевич, из квантового супчика аб ово Вселенную для моего романа варишь. Будто шашлыки жаришь.

– Про супчик – это выражение Тхвана.

– Знаю.

– У него прямо сказано: чтобы упаковать ядро золота, нужны миллионы градусов и миллионные давления атмосфер. Все зависит от количества протонов и нейтронов. В ядре водорода один протон, один нейтрон и один электрон. Гелий – уже три атома водорода. И так дальше по всей таблице Менделеева. Самые тяжелые элементы имеют больше всего чего-то в ядре. Особо-то упаковать нужны колоссальные температуры и давления, и по каждому элементу это можно сказать.

– Это не шашлыки тебе жарить.

– Уел, уел, на это ты мастак.

– На Земле таких механизмов нет, которые бы могли упаковать химические элементы. Новые все звезды возникают опять-таки из больших температур.

«Гармония высшая рождается в огне», – озарило меня.

– Все это дело прилетело из космоса к нам. И сейчас новые элементы на ядерном реакторе в Дубне, дубний и прочее, так производят. Сумасшедшее количество протонов потреб-

но на это, но они сразу рождаются неустойчивые. Нана-секунды какие-то и живут-то. Не знал я этого, пока не увлекся подобной литературой, Тхваном и так далее.

– Меня тоже астрофизика безумно интересует…

Через полчаса кончилось мое пребывание на Аракчино. Выехали мы с Курьяновым в Тюмень: утром ему надо было лететь в Москву.

Послесловие

К моей великой радости Юрий Алексеевич вернулся сейчас в Тюмень и работает советником генерального директора известной фирмы «Интегра-Тюменьнефтегеофизика», продолжает внедрять в практику те инновации, которые отмечены были Премией Правительства России.

Вновь поехали мы в Аракчино, в творческую обитель академика. Он рассказывает в дороге о том, как обстоят дела с их инновациями:

– В России очень трудно новье продвигать и пробивать. Все признают, что наши технологии очень нужны и полезны, Но рынок слабо реагирует на эти новации. Держатся за традиционную сейсморазведку 2Д и 3Д. Мы хотим прорваться, что требует очень серьезной маркетинговой работы. Но есть такая компании, «Ритек», к примеру, которую возглавляет Валерий Исакович Грайфер. Она заказала нам эти работы. Мы в Тюменской области провели их, они пионерные. Мы с поверхности Земли наблюдали фронт горения в нефтеносном пласте баженовских отложений. Там развиваются температурные реакции, что приводят к повышению температуры, окислению керогена и выработке из него жидких углеводородов, которые потом и добываются. Этот процесс очень непростой, и скважиной его не промерить, а только напрямую… Глубины 2,7 км. Нам удалось этот фронт проследить,

хотя не так однозначно, как бы хотелось, но лучшего у нефтяников ничего нет. Они признали это за достоверный результат и снова заказали на сопредельных площадях такие работы. Это дает нам возможность фиксировать зоны вторичной трещиноватой пористости пластов, в которые поступает дополнительная нефть. Потом из этих недр ее добывают. Наша технология сложная и вместе с тем понятная и приятная. Все очень технологично, и такие кампании как «Интегра» в состоянии сейчас вести разведку недр по-новому и делать в очень больших объемах. Были бы заказы. Интегра-Геофизика способна эти работы производить. Несколько начальников партий наши технологии знают. Вот собственно и все.

– Проявляет ли интерес к этому Сургутнефтегаз и глава его Богданов?

– Очень вяло. Пока идет на уровне переписки. Базовая организацией по внедрению нового будет Интегра-Геофизика. Генеральный директор ее Георгий Волков всегда к новому хорошо относится. За рубежом, в Иране мы проводили большие работы. Американцы проявили к ним интерес. Ряд африканских стран. Но до дела не дошло. Дело новое и только-только пробивается ростки…

– Результаты инноваций ваших в цифрах есть?

– Статистика небольшая, но очень много подтверждено. Допустим, по Восточной Сибири отличный результат. Мы гарантировали, что будут высокие дебиты. Они были полу-

чены. Ни один другой метод этого не дает. Хорошо показал себя наш метод по Куюмбовскому месторождению. Оно представлено магматическими породами, и там мы в яблочко попали с нефтяной залежью..

– А теперь о горении в недрах, тут мы так или иначе сталкиваемся с неорганическим происхождением нефти. Это цепляется само по себе в ваших инновациях?

– Да, мы получаем коллекторы как раз в тех породах, где органики в принципе быть не может. Примеров таких сейчас много… Я не специалист в области генезиса нефти, но скорее всего, что тут речь надо вести о неорганическом происхождении нефти. Она пришла скорее всего откуда-то снизу.

– Как воды байкальские.

– Да, они тоже. Чем глубже, тем чище вода там. Это феномен Байкала. Нефть там тоже сочится из этих же отложений. По кубу, по два в сутки, но она идет… За миллионы лет представляете, сколько ее может накопиться, если говорить о геологическом времени. Тот же Самотлор будет в районе Байкала.

– Каковы перспективы на новый зимний сезон, Юрий Алексеевич?

– В нашей области продолжим работы на Средне-Назымском месторождении. А еще – в Восточной Сибири. Там площадь 1000 квадратных километров. Процесс пошел, как говорится.

Три сестры в Гайдпарке
Опыт радиопьесы

Запевное – блоггер *Танка nl*.

Танька о Трех сестрах:

Иду я вчера в театр. Иду и думаю: ну сколько можно! Что же у нас пьес что ли мало… почему все великие и совсем не великие, всё ставят и ставят «Три сестры», «Вишнёвый сад» да «Чайку»…

Ну, да ладно… Всё-таки Кончаловский, интересно! Высоцкая в роли Маши, я её на сцене не видела.

Спектакль начался, слушая знакомый, как клятва пионера, текст, я поначалу не могла увлечься и проникнуться и мысли мои скатывались с великого на бытовые, повседневные темы: что купить, пришить, прибить.

Прошло какое-то время, и я поймала себя на мысли, что с интересом слушаю и смотрю, в сотый раз, откликаясь на чеховские мысли, вопросы, поиски чего-то, что мы всю жизнь ищем и, кажется, так и не находим ответы…

Генеральские дочки, вся жизнь впереди, а у них всё звучит: неудачная жизнь… проклятая, невыносимая… уходит и не вернётся…

Безнадёга и увядание. Тогда почему, почему эта пьеса не сходит со сцены и я, какой уж раз посмотрела её, с ин-

тересом, забыв, что шла не охотно!

А ДАЛЕЕ ОТКЛИКИ, ЯРКОЕ, НАДЕЮСЬ, ОБСУЖДЕНИЕ ТЕМЫ НА ИНТЕРНЕТ-ХОЛМЕ. МОЖЕТ, ПИЕСКА СЛУЧИТСЯ? ПОДУМАТЬ И О РУЖЬИШКЕ НАДО: ОХОТНИЧИЙ Я ВЕДЬ ПИСАТЕЛЬ, А НА ТРОПЕ ВСЯКОЕ МОЖЕТ ПРОИЗОЙТИ…

Игорь Дворкин. *Во второй половине 80-ых и в 90-ые – везде.*

Он же вновь *В Москву, в Москву, в Москву! Everybody*

вова усольцев *В глушь! В Саратов!*

Игорь Дворкин *В деревню к тётке, в глушь*,

В Саратов пусть едет негодяй
Паратов. Соединим (тому я рад)
Сих классиков в триумвират.
Друзья литературоведов:
Островский, Чехов, Грибоедов.

вова усольцев *Спасибо! Просто, здорово!*

Евсей Осиновский *Раньше было. На сцене «Три сестры», «Дядя Ваня» …, в зале битком народу. А теперь? На сцене битком, в зале три сестры и дядя Ваня, пожарник…*

Танька (извинит пусть **Танка nl**) *Теперь залы опять битком.*

Вячеслав Иванов *Очень уважаю Чехова как писателя. Однако драматургия его мне кажется унылой*.

вова усольцев *Зато остальная планета, без Вячеслава – кайфует!*

Танька *А радует, какая драматургия?*

Вячеслав Иванов *Горького или Островского. Особенно прусь от «Вассы Железновой». Фильм с Чуриковой охренителен.*

Танька *Чурикова сильна! Люблю самое начало Вассы, когда она сетует, шо не выгнала матроса, за пьянку – пожалела, а он потом сжёг пароход…*

Людмила Ермолина *А я всю жизнь боюсь читать и смотреть его пьесы. Герои какие-то все неустроенные, неудачники… разбитые судьбы… Да и в рассказах нет счастливых людей… Всё так зыбко.*

Автор *Нет счастливых людей! Драма не жизни, а ЛИТЕРАТУРЫ. Куда они подевались, Счастливцевы? Счастливые муравьи, пчелы, зайцы, мадонны, ожидающие первенца, все живое вещество живет радостью и счастьем. Как Солнечная птичка с Желтой спинкой с Цейлона. В чаях оттуда открыл я ее. Рост птички – 15 см. Любительница леса и высоких деревьев (оттуда дальше видно). Стеснительная. Но очень быстро летает и поет нежные песенки… А вот на сцене и в литературе их нет. Перпеттум мобиле страдания, какой-то культ его, по Достоевскому прям. Чеховской тоской пронизано бытие. Как это у него? Знаменитая фраза: «Замечательный день сегодня. То ли чаю пойти выпить, то ли повеситься».*

Сергей Гусев *Вы, по сути, говорите о литературе радости. Но в ней одни трагедии. Шекспир, Толстой, Пушкин.*

Автор *У великого Михал Михалыча Пришвина литература радости.*

Сергей Гусев *Но мы уже уходим в сторону.*

Автор *Вернитесь в русло.*

Сергей Гусев *Мое дурацкое ассоциативное мышление выдало сразу анекдот, который толком и не помню. Что-то вроде: Два человека смотрят фильм. На экране альпинисты карабкаются по отвесной скале. Один говорит:*

– Этот сейчас сорвется!

– Нет, не сорвется!

– Спорим?!

Кончается фильм, альпинист так и не сорвался. Проигравший достает из кармана деньги. Его друг говорит:

– Извини, я твоих денег взять не могу. Это была шутка – фильм-то я уже видел.

– Я тоже видел…

К чему это я? Великая сила исскуства. Сам последний раз смотрел «Трех сестер» году в 2005 или 2006 в постановке П. Фоменко, в его театре. Наверное, пора еще сходить.

Танька *Вы знаете, сама удивляюсь, но каждый новый режиссёр умудряется из Чехова выжать что-то своё… загадка!*

Ваня Жуков *Групповуха… две было, а вот три… три я бы предпочел двум.*

Александр Константинов *Успех чеховского реализма в гениальном сочетании высокого с примитивным.*

Танька *А в сумме – получается актуально для всех времён.*

Танька *Паузы заполнены «догадками» режиссёров, выраженных каким-то жестами, действиями… по мне, не всегда удачными. Но, я не критик, я зритель, и снисходительно прощаю это режиссёрам, если всё остальное – по душе.*

Александр Гершаник *Додин поставил первую чеховскую «Пьесу без названия». Весь текст в точности. Но всё же кощунство. Чехов-то прятал эту пьесу. Судя по всему, рукопись вообще сестра сохранила против его воли.*

Лидия Н. *Попробую сейчас одну знакомую театралку заразить – спрошу: а ты смотрела?!!… Знаешь, там» хороший режиссёр «прорисовал» специально для неё рисунок роли» – говорят, интересно – может, клюнет… Я ж ленивая…*

EVA LEUS nl *Завидую! Живя 11 лет в Москве, каждый месяц выбиралась в театр. Предпочитаю классический театр. Малый, Ленком, Маяковку, Чехова.. Как мне не хватает этого Священнодейства (с большой буквы) …Иди, Лера, иди… Там душа взлетает…*

Автор *В записной книжке Чехова есть о том, что пьесу надобно писать не о том, что было и есть, а о том, о чем мечтается. Здорово же! Сопрягается с зовом у Василия Шукшина: «Позови меня в даль светлую!» Чехов зовет.*

Алина Архипова *Страшная на самом деле пьеса, и нет ответа, почему сложилось именно так, а не иначе. Все театры мира ставят ее…*

Танька *Ну, насчёт страшная… не знаю… Так и хочется крикнуть: сёстры! да сгоняйте уже в эту Москву!!!*

Алина Архипова *Сгоняли… вернулись… поняли, что ничего не изменилось. Вот только мечтать больше не о чем…*

Автор *Москва ныне – деньготрон. Все мани, мани, мани. И не манит она меня ныне токмо поэтому. Крохоборчество на трон жизни взобралось. Малюток фотографируют среди пачек дензнаков…*

Танька *А почему не изменилось? И что, им, на жизнь, тока одну мечту выдали?*

Алина Архипова *Не изменилось потому, что от перемены мест ничего не меняется. Из своей шкуры не выпрыгнешь, а хочется им именно этого.*

Танька *Алин, а вот ПОЧЕМУ они так хотят!.. и ничего не делают? для осуществления – любви, радости какой-то, почему не возмутятся своему братцу с его милой Наташей? Зачем Чехов лишил их действия?*

Алина Архипова *Так живут мечтами потому что, а любое практическое действие мигом разрушит воздушные замки, чего в глубине души они боятся. Плюс инерция жизни… А Наташа знает, чего хочет, и последовательно осуществляет задуманное. Она грубая и низменная, но она жизнеспособна, а сестры – нет…*

Танька *Ага… щас Наташ всё больше… их спецом выращивают…*

Алина Архипова *Их соотношение не меняется, потому как бабы во все времена были востребованнее барышень. Щас они просто на виду.*

Танька *С барышней в оперу, с бабой – в койку?..*

Алина Архипова *Барышне стихи пишут, на бабе женятся.*

Автор *Пушкин написал бессмертные стихи, посвятив Анне Керн и Наталье своей.*

Наталье Пушкиной:

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

Анне Керн:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты

Танька *Таки мы до сути дошли!*

Алина Архипова *И все негласно ассоциируют себя с барышнями. Мадам Бовари недоделанные… А реальность всех*

фейсом об тейбл…

Лидия Н. *Прям убили аргУментами… Нужен симбиоз: барышня-баба – и он уже взращивается нашей жизнью. А вот наоборот – «баба-барышня» – уже не получится, ну никак…*

капитан Копейкин *Добро пожаловать в клуб капитана Копейкина… я уж столько версий Чеховских пьес пересмотрел, что уже не знаю, «чему нас учит семья и школа». Вот ты пишешь: «…а у них всё звучит: неудачная жизнь… проклятая, невыносимая… уходит и не вернётся…» Основная проблема в том, что, упрощённо говоря, «люди забыли Бога».*

Автор *Хотя бог нас не забыл.*

Капитан Копейкин *Это как хроническое заболевание нервной системы, следом (все ж болезни от нервов) идёт вся остальная шизофрения. Если Бога нет, то какова цель в жизни? Каков её смысл? А что тебе покажут в «ящике», т.е. «Список необходимых удовольствий». И вот, вроде бы всё уже есть: и вишнёвый сад, и ваня, и крокодиловые ботинки, а счастья нет… И с каждым новым приобретением надежда на счастье тает. И каждое новое приобретение радует всё меньше.*

Автор *Живот сжирает человека. Потому Рабле и запер вспеленную в кухне. И не оттого ли брезжил у Толстого роман «Жратва». Животный разум он и есть животный. Нравственность есть, конечно же, неживотность. Одер-*

жимы умы, просвещенные духом истины.

Капитан Копейкин *А может быть, ценности – ложные? А где настоящие? А может, бросить всё и уехать в деревню? Но это означает – признать, что потратил жизнь не на то, зря. А с другой стороны сцены – на кухне, за бутылкой коньяка – «трах!» кулаком по столу! «Как всё за… бало!» Но это в «цивилизации». Тут хоть есть шанс, что добившись «всего», ты поймёшь, что заблудился, пошёл не по той дороге. И, может быть, найдёшь.*

капитан Копейкин *А представьте себе какой-нибудь, как говорят, Мухосранск, который у нас повсюду. Живут в этом М… хорошие девушки, не богато, но в лохмотьях не ходят. Тоже* ***хочут*** *счастья, стремятся к прекрасному, красивой жизни…*

Разглядывает глянцевые журналы, телевизер тот же, показывают – «эталоны счастья». И понимает она, что вот такой же красивой, загорелой, ухоженной, как Волочкова; в таком же вот платье и вот по этой красной дорожке, с Бредом или Джорджем, ей… НИКОГДА! НИКОГДА! Понимашь? С одной стороны «семья и школа» её убедили в том, что «счастье» выглядит «вот так» и никак иначе, а с другой стороны она понимает, что «вот так» она не будет НИКОГДА! Разрыв между желаемым и возможным. Вечная проблема… если тебя не научили оперу любить… Смекаешь?

Танька *Всё правильно, тока при чём тут Бог? Вернее его отсутствие… в душах? Идолы были всегда, вернее их стало*

больше, с появлением СМИ и рекламными проталкиваниями проклятущих капиталистов, своих товаров. Хошь мечту? Купи!!! Сначала журнал, потом билет в столицу, потом шмотки как у прынца на обложке, потом… потом нескончаемая цепь трат и расходов, чтобы стать «как»… Редкий кулик пилюёт на соседнее болото и довольствуется своим. Все хотят чужого – счастья, успеха, но чужого!… не желая создать своё. И вот они едут! Значит, согласно твоим размышлениям – что-то таки делают!

капитан Копейкин *Друг мой Танка, дело в следующем: У тебя в душе-дуализм, т.е. только два ответа: «да» или «нет», а у меня их как минимум три: «да», «нет», «не знаю». А есть еще и четвертый: «и да, и нет» – и существует и не существует одновременно, и такое тоже возможно.*

Автор *Прямо Гамлет в квадрате.*

капитан Копейкин *Один говорит: «слушай меня, поступай как душа твоя велит», а Другой говорит: «не слушай Беса, поступай как бог в евангелии прописал» – кого ты послушаешь?! У ВАС третьего варианта нет: либо туды, либо сюды. А у меня есть третий: «я вообще никуда не пойду», стоять буду, хочу и стою, я сам себе хозяин, а, тот, кто в дуальности, обязан послушать либо дьявола, либо бога.*

Добро и Зло есть суть одна, а не две. И когда мы что-то… то творим и добро, и зло одновременно (например: 20% зла и 80% добра) т.е. невозможно сотворить одно, не сотворив другого. Не понятна логика этого суждения?! – зна-

чит, сами себя загоняете в двоичность мышления, потому и не видите третьего – это и есть дуальность мышления, когда не видят третьего, т.е. разделять мир на добро и зло научились, а соединять обратно кто будет?! – Пушкин?! … выбирайте, и смотрите не ошибитесь, Беса с Богом не перепутайте ненароком!!!, в процентном соотношении, а то не туда попадёте, а там «снег башка попадет, совсем плохо будет».

Танька *С людо-в-едом не поспоришь. Во всех смыслах опасно! Скоро зима…*

Nadin Nadinova *Надо сходить.*

Lora Kroft *Зачем живём, зачем страдаем… Мечта Трёх сестер, все-таки, сбылась – они навсегда в Москве. Я в последний раз посмотрела во МХАТе, в конце 90-х, с Машей-Майоровой. И тема сестёр для меня этой ролью закрылась почему-то. Маша очень важна в этой пьесе, в ней самый главный надлом.*

Танька *Они везде. Вот бы порадовались! Лор, я каждый раз идя на очередных «сестёр», мучаюсь – нафига? Что там нового, кроме сомнительных рыданий по ушедшей жизни, и громких «мечт»? А каждый раз – с удовольствием просиживаю и радостно аплодирую… прям не знаю, как объяснить. И не фанатка я этих «сестёр»… просто всё, о чём они вопрошают, волнует и меня. Видать, всегда…*

Lora Kroft *Так, вопросы же вечные… зачем живём? зачем страдаем?… попробуй ответь на них… У каждого свои*

ответы, своё понимание, свой Чехов. Удивительно ему удалось передать эту обыденность жизни, кажется, проще невозможно, а цепляет практически всех.

Танька *Так и хочется купить им билет… в Москву… Но, Алина говорит, что тогда у них мечта закончится… одна тока и есть…*

Lora Kroft *Низзя отнимать мечту! Лучше уж деньги отнять до последнего грошика. А мечту – не замай, мечта – она светит… но не греет… Может, потому и тоска у них не проходящая?*

Танька *Мне прикольно было посмотреть, как советская Доронина трактовала Машу… ведь даже в Чехове умудрялись дать пролетарский подтекст… надлом, но – шоб мы осуждали!*

Lora Kroft *Абсолютно не воспринимаю Доронину, не отзывается моя душа на ее призывы. Манерная кривляка и только. Кстати, Ренату Литвинову, которая по общему мнению, доронинский клон, воспринимаю нормально. Вот и пойми нас, зрителей.*

Танька *Такая ж фигня и у меня…*

Lora Kroft *Не наша она тётя.*

Алина Архипова *Нет, не наша!!!*

Lora Kroft *Вот! Нас уже трое!*

Танька *Три сестры…*

Lora Kroft *Черно-бело-рыжей масти.*

Алина Архипова *Кстати, я хной крашеная, так что*

сойду за рыжую.

АВТОР *Благо, что вы не рыжий Чубайс, мадам.*

Lora Kroft *А у меня есть блондинистый пепельный парик.*

Танька *Выберу себе чёрный, хоть и не запугиваю честных юзеров страшилками…*

Lora Kroft *А фся в белом парике и в чорном-чорном прикиде.*

Алина Архипова *И начес сделать а-ля метла.*

Автор *Три сестры чеховские вокресли через сто лет сегодня сейчас на интернет-холме. Споем, девоньки-бабоньки, сестренки дорогие:*

Виновата ли я, виновата ли я,
Виновата ли я, что люблю…

От Автора В виртуальный круг сбежались три сестры, как три белых ромашки. Киа-киа-киа – кричат счастливые чайки. Глядят друг на дружку, говоря будто мысленно одна другой слова, подобные каким говорил Тарас Бульба вернувшимся домой из бурсы сыновьям: «А поворотись-ка, сынку, экий ты смешной!». И в 21 веке нового тысячелетия три сестры чеховских поют хором душещипательную народную песню. Звучит балалаечка Заслуженного артиста России Юрия Клепалова. Щипками немудрящего своего инструмента имитирует он их крики киа-киа-киа. *Так «капает» песен-*

ку гологорлый звонарь из райских птичек. На фоне щемящей этой музыки начинает звучать песня.

Хор трех сестер:

Виновата ли я, виновата ли я,
Виновата ли я, что люблю,
Виновата ли я, что мой голос дрожал
Когда пела я песню ему.
Виновата ли я, что мой голос дрожал,
Когда пела я песню ему.
Целовал, миловал, целовал, миловал
Говорил, что я буду его,
А я верила всё и как роза цвела,
Потому что любила его
А я верила всё и как роза цвела,
Потому что любила его.
Ой, ты, мама моя, ой, ты, мама моя
Отпусти ты меня погулять,

Людмила Ермолина *Всем плюсов наставила, кто завывания Дорониной не воспринимает, а то всю жизнь недоумевала и мучилась, что я одна такая… спасибо вам.*

Lora Kroft *Её многие не воспринимают. Старые москвичи-театралы вообще не считали её актрисой. Так и называли – актёрка.*

Танька *Я бы на ней не женилась… фу…*

Lora Kroft *Ни фа фто! Замучает кривляньями… ффу!*

Сергей Гусев *Сплошной восторг читать вас, милые да-*

мы! А можно и мне свои шесть пенсов добавить?

Как клубника в сметане,
Доронина Таня.
Ты такую другую поди пощи.
У нее в сочетанье тончайшие грани,
Будто малость «Шанели» накапали в щи.

В. Гафт

Лидия Н. *Аналогично. Ты ещё не упомянула вздохи и придыхания Дорониной…*

А Ренату просто люблю – при той же манерности, но естественной такой для неё… Девочки, я совсем не театралка – так, когда зазовут…

Lora Kroft *Рената стильная, в ней есть изюминка. У Дорониной – только красота и фактура. Почему-то так бывает, что классические красавицы оказываются бездарными актрисами, гонора в них, что ли, много, они себя всегда несут по жизни, аки хрустальную вазу, а это уже мешает и в театре, и в кино. Доронина сама с собой всю жизнь носилась, как поп с кадилом.*

Лидия Н. *В точку.*

Валерий Попов *Сегодня я получил газету «Известия» и обалдел! В газете напечатана статья под названием «Андрей Кончаловский продаёт свой мясной бизнес»! Я вначале подумал, что речь идет о каком-то однофамильце известного режиссера Кончаловского. Но, оказывается, речь*

идет именно о нашем ведущем специалисте по пьесам Чехова. Они, видимо, испортили нашего театрального деятеля, и он решил заняться бизнесом и превратиться в этакого новоиспеченного российского помещика, владельца русских земель и телятников. Совершенно непонятно, почему он вдруг решил на купленной им земле строить телятники, а не разбивать вишневые сады!

Автор прерывает Попова *Антон Павлович Чехов организовал посадку в окрестностях Мелихова тысячи вишневых деревьев, а еще на голых участках тут должны были появиться лиственницы, вязы, клены, сосны и дубы.*

Валерий Попов *Я бы понял Кончаловского, если бы он организовал бы в Москве какой-либо культурный Центр и проповедовал бы там европейские ценности. Но, к сожалению, он из Европы пока не перенес на русскую сцену ни одной европейской пьесы и присосался к сцене театра «Моссовет», да так крепко, что его оттуда будет не так просто оторвать. Я считаю, что режиссёру такого уровня славу и прибыль должны приносить новые, оригинальные пьесы, а не какой-то побочный мясной бизнес. ВИДИМО, ЕГО ЧЁРТ ПОПУТАЛ!*

Автор раздраженно *Мяса нам на сцене только и не хватало.* С чисто русским жестом рукой, когда вскликивают: «Й-еех!» *А не пора ли и выпить шампанского, господа: пиеска ведь сотворилась чудная. Кумедь, одно слово! Шампанского, шампанского! Оркестр, музыку!*

От Автора осознавшего ошеломительно, что же произошло с появлением ворвавшегося на интернет-холм Валерия Попова, который выстрелом будто взорвал ситуацию. Но мясо ведь и есть натуральнейший выстрел! По чаячьим душам. *Крысам будто куски его свежекровные бросили: жрите! Василь Макарыч Шукшин захлебнулся б: м-да, мол, позвал в даль светлую.* Киа-ааа!!! Сверзилась на землю штопором чайка. Не кумедь, а трагедь это, ребята-воробьята! Почеховски. Обыденно.

Я снегами живу
Извлечение из «Дома под звездами»

В семье героя новой моей книги Игоря Созинова, с которым рыбоводничали мы на озерах как научники, дошло до первых грозовых разрядов. Друг мой скрытничал, но я все ж выудил из него подробности крупного одного скандала. Как сома из омута, бьющего хвостом, тянул это признание. Начиналось с того, что стал собирать Игорь репродукции картин, выставленных в Русском музее, – ухом не повела его благоверная. Картину Репина в копии достал. Женщина в красном изображена там. Любовь и ненависть, как считал мой друг, сильно выражены в ней художником. День можно смотреть – не взглянула. Купил большую географическую карту полушарий, чтоб мир весь видеть и лазить по нему иногда – не дала места. Заявила, что будет ковер здесь. С этого и заварилось. Распалился Игорь и в разгар семейного купороса сделал жене заявление: «Или карта будет висеть тут или ноги моей в доме не будет». А она и крикнула ему: «Кому ты нужен с грошами научника? Чую, что не защититься тебе: фанаберии много, бесконечных исканий. Женился на мне – оборванцем был, оборванцем и сдохнешь». Вот и сказал он мне: «Из дому рванул я – чуть дверь не сломал. Потом поостыл, конечно. Но первый раз в жизни, го-

воря откровенно-то, нараспашку, подумал, что нищенствуем мы в науке. *Говорит же тюменец родом Марат Гатауллин, принимавший участие в открытии бозона Хиггса на коллайдере в Швейцарии, что физики – в основном люди идеи, потому что наука не приносит большого дохода. Так же, как и рыбоводам и представителям иных областей ее.* Через жену и родню, видишь, а они все – жадюги, стукнуло это мне в голову». Не мог я не раздуматься о моем сокровенном друге. Искательный он человек до ноготка каждого. Помню его размышления о том, что есть жизнь, счастье? Избежал рака легких? Не попал в автокатастрофу? Флиртанул удачно? На скандальной модной выставке побывал? Известного писателя лично лицезрел и даже поручкался с ним? Бегом трусцой занялся? Из старщшего инженера скакнул в ведущие? Пива «Сенатор» тебе достали? Спутниковую связь заимел? Уберег отрока от тюряги? В престижные войска его устроил по блату? Много вопросов. И в чем соль их? Пресмыкаемся мы перед жизнью, Саня! Мир ампутирован до вещи, до плотского желания, до кормушки, до жранья. Надо чтоб не мы плелись за жизнью, а она за нами поспешала, как классик, задрав штаны, за комсомолом бежал. Тянуть в будущее нужно луч света. Природное это, естественное. *Разве жизнь не подчинена таким же строгим законам, как движение планет, разве есть что-нибудь в организмах сверхестественного, чтобы отделяло их от остальной природы.* ***В. И. Вернадский.*** Я ж тогда своим подбил наш разго-

вор. Привел Игорю факт из переписки Максима Горького с одним старичком-сектантом, который написал писателю: «Не опускай крылий, птица божия, в непогожий день легче летать и выше взлетишь». *А мы повсеместно ищем все смысл жини.*

В Сладково

Приехал я в гости сюда в самый дальний угол области к другу-сокровеннику, писателю Валере Страхову. Экипаж постоянных его, а теперь и моих друзей в сборе. Помимо Страхова это Саша Шилов и Степкин, привычно зовем его по фамилии. Он слывет здесь с партейных еще времен за философа. Обосновались у Шилова. Выпили водочки, закусили разносолами и Шилов взял в руки неизменную свою гармошку. Развернул меха малиновы. Заиграл. Вяловато, мне хочется, чтобы побойчей было и веселей.

Я Шилову: Играй с акцентами, раскручивай огонь

Как не отвлечья Автору на судьбу этого замечательного человека. Говорил я о нем на выступлении в библиотеке. Начал, правда, издалека, о литературе и искусстве вообще.

После моноспектакля Евгения Гришковца

Остро почувствовал я дух этого острова, посмотрев моноспектакль «Как я съел собаку». Тяжелое впечатление оставил он. Русский матрос Евгений Гришковец будто *кожу* сдирал с собственной души и кровяной показывал её зрителю. На острове этом нет неба. Три года служил прорвавшийся в артисты плечистый сибирский парень и не видел неба. Нет неба на Русском, и многого стоит такое свидетельство Гришковца. Неспроста пришлось ему съесть там однажды собаку со своими друзьями-бедолагами.

Остров Русский – это страшно. И гордо, если судить глубинно по-моряцки. Глядел я на сценические выверты моряка, в три головы смотрел, и инда до такого озноба прохватывало меня, будто холодный муравей пробежал по позвонкам. И реминисцентно звучало в сознании про «Варяг», гибель его геройскую в белых одеждах, в каких представлен был в спектакле Гришковец. И после просмотра его я нажал ЛК на своём компьютере и включил марш «Прощание славянки». Великую драму показал самородный драматург из Кемерово. Вставали в моём зрительском воображении лики Нахимова, Макарова и других наших славных флотоводцев. Думалось о морпехах с душой Гришковца, что плакал, прощаясь с Русским. Иностранец бы сказал: «Стран-

ные эти русские». Впервые, прощаясь, глянул матрос в глаза своего офицера и задней стенкой его глазного яблока увидел-таки небо… Как лихо нес он вертикально бескозырку, которой, кажется, не за что было держаться на затылке!.. Очень понятно становилось, что такие плачут раз в жизни. И защитят они Россию. Вырвут победу зубами. Погибнут, но не сдадутся. ***Как русский офицер Александр Прохоренко в Пальмире. Последние его слова «Командир, я окружен. Они здесь. Я не хочу, чтобы они взяли меня и утащили в плен. Запрашиваю атаку с воздуха. Они будут издеваться надо мной и над моей формой. Я хочу умереть с достоинством, хочу, чтобы все эти сволочи погибли вместе со мной. Пожалуйста, исполните мою последнюю волю – запросите атаку с воздуха. В любом случае, они убьют меня. Командир: «Пожалуйста, подтвердите свой запрос». А. Прохоренко: «Они вокруг. Это конец, товарищ командир, спасибо. Расскажите моей семье и моей стране, которую я люблю. Скажите им, что я был храбр и я сражался до последнего. Пожалуйста, позаботьтесь о моей семье, отомстите за мою смерть. Товарищ командир, прощайте. Скажите моей семье – я очень люблю их». Александру Прохоренко было всего 25 лет. Вечная память героям…***

Тащил в финале подобно бурлаку со сцены матрос Гришковец канатное хозяйство, и думалось мне: как же нелегка эта морская служба. Да ещё на Русском… И если Екатерин-

бург занесен в энциклопедии как город, где «расстреляли царя», то ясно, какой эпитафии нужно удостоить остров Русский. Там, слава богу, разворачивается сейчас стройка века, чтоб поразить тех, кто приедет туда на какой-то вселенский конгресс (не Собор). Голод островитянам теперь, думаю, не грозит. А памятник, как матросу-Кошке, заморенному не в блокаду, а в «декаду» бравурных разных ля-ля о России, пожалуй, и надо поставить.

Так, пожалуй, думаю я сегодня о литературе. Была у нас великая литература, как были великие флотоводцы, о которых думал, прощаясь с морем, Гришковец. Она, большая литература, есть у нас и сейчас. Оглянитесь окрест и читайте ЖИЗНЬ, как читаю я ее ныне в Сладково!

Эльчибей

Случилось так, что во время фуршета соседом банкира оказался мой журналюга из районной газеты Александр Шилов. Истинный глухарь он – в общении с другими впадал в состояние токования. Как примется за какую-нибудь тему, так не то, что выест ее до мосла, но и мозги собеседника. Насядет на тебя – хоть караул кричи. Рта не раскроешь. *Шеф!! Усе пропало!!! Гипс снимают!!!! Клиэнт уезжает!!!! Шампанское поутру пьют тока аристократы и дэгенераты!!!!!! У Сосноуку!!!* Самое разумное в такой ситуации – немедленно от него смываться. Так вот затоковал он банкира, задолбал какой-то местной проблемой. Банкир извелся от его атаки, он уже кричал глазами, ища спасения. Ситуацию просек товарищ его, старик-называевец. Он скорострельно помараковал мозгами и придумал уловку, какой можно б отвлечь «глухаря» от банкира. А ты, мол, имярек, спросил он бесцеремонно журналиста, знаешь, куда вчера поехал Абульфас Эльчибей? Журналюга смолк, завращал колесами выпуклых глаз, соображая, кто ж таков Эльчибей (может, слышал звон, что он какой-то азербайджанский политический лидер, да забыл). Жиган по охотничьим уловкам наводяще добавил:

– Его ведь ставят главой администрации у вас.

– Эва! – воскликнул вождь глухарей района, зацепив па-

мятью некую, параллельную Эльчибею звучность. – Он же в Каменке напротив моей мамы живет.

Журналюга молча расправил плечи, в глазах его вспыхнул огонь, да такой, что тот даже зазаикался:

– К-как это так, что ставят его главой района? Да он же браконьер дичайший и с властью такой все изведет в районе.

И радетель экологии района заглох, углубившись в какие-то свирепые свои думы. А приятели-охотники благополучно дофуршетили вечер и, разомлев от водочки, благостно попылили на видавшем виды «жигуленке» до родной Называевской. Уловка ж с Эльчибеем начала свою фольклорную жизнь среди западно-сибирского лесостепья. Что же касается Шилова, то он вернулся в свою родную агрономию, и я теперь не страдаю от его напорного многословия, а наоборот, вслушиваюсь в каждое словечко товарища. Любуюсь, как играют жилочки на улыбчивом его лице, а улыбка самородно живет в нем и вспыхивает внезапно, словно чертик какой зажигает ее, как будто иллюминацию на елке.

– Почвы у нас какие? Солонцы, тяжелые земли. Но мы их в «Росе» на службу урожаю поставили. Используем набор культур, которые улучшают структуру почв, разрыхливают их. Сеем люцерну, клевер, донник, тимофеевку, горох, вику, подсолнечник, суданку, просо, овес. В соответствии с севооборотом удается получать зерновые хорошего качества. Повышается плодородие почвы, сняли проблемы со злостными сорняками на полях.

И вот я дома у Шилова. Поет он про очи жгучие и что скатерть белая залита вином. Есенина: тот вечерний несказанный свет.

Я: Делай нервные всплески.

Бередит Саша душу мне, запевая:

– Постелите мне степь, занавесьте туманом…

О жизни разговор пошел. Зачинатель его Шилов:

– Задумаюсь, и страшно мне очень становится. У дочки Интернет на уме, туда-сюда. Книги не жалует. А слово печатное – не анекдот протрекать.

Я: Мы с женой для неба отвоевываем внука у Интернета.. Микроскоп, телескоп, дачные наблюдения за закатами, за птичками, жучками, паучками, бабочками… В чем смысл жизни, друзья?

Степкин: чтобы осталось потомство, чтобы жизнь продолжалась в детях и внуках.

Страхов: В том, чтобы посидеть с друзьями за столом и погутарить. Поехать на охоту. Воздуха вдохнуть, родиться и помереть.

Я: Смысл жизни не познаем толком. Вторая позиция: самое главное – вселенная должна двигать локтями. Живая вселенная. Искание – первое, любовь, размножение – второе. Мы – образования атомарно-биологического характера. Человеческое вещество. К чему вот ты стремишься, Страхов?

– Я, сейчас, когда выпил? Мне б бабенку молодую. 63 лишь годочка-то мне.

Я: Нам примерно по 50—70 лет. Чего вы еще хотите от жизни?

Степкин: Дожить ее достойно, хотя бы внука дорастить. Достойно на заслуженный отдых уйти. Чтоб под жопу не дали. Оптимизации ж всякие… Не до карьер теперь. Была с перебежками карьера, да прошла…

Страхов: Пафоса не люблю. Все под богом ходим. Если помирать – желательно летом, чтоб не мерзлую землю копать.

Степкин: Если раны – небольшой.

Страхов: Было дело у меня, арабская война, Египет. Самое страшное сейчас – постель. Хочу спокойно и тихо умереть в ней. Мы полагаем, однако, а бог располагает. Кирпич на голову упал и все тут. Кранты.

Я; Ввиду возлияний бурных Страхова. Неужели вы серьезно думаете *подначиваю,* что вы смертны?

Степкин: Вчера были маленькие мы. В потомках непрерывность. Смерть – переход из тленного состояния в нетленное.

Страхов: Разовью-ка я дурость эту.

Я: Электроны наши не умирают.

Стразов: Тело умрет. А мысли? Куда они денутся? Не горшок чугунный с глиной моя голова. Так думаю, друганы. Умирает физическое тело. Дух должен сохраняться. Не должно быть конца, предела какого-то.

Мы встретимся с тобою после смерти
В зеленых кущах, где струится ветер,
Где воздух чист и вздох дождя прохладеги,
Где вечный день и светел, и отраден,

Вне зла…
Вне суеты…
Мы встретимся с тобою после смерти

Из стиха в контексте прозы
Юрия Гончарова

Степкин: Мысли не умирают. Бессмертны они. Гениальные мысли появляются от чьих-то мыслей. Сейчас прогресс быстро развивается почему? От скопления мыслей из прошлого… *Где-то в соседних домах в вечерние эти часы, в деревнях, в городах далеких и близких идет подобного рода вечный людской разговор о смысле жизни…*

Вдвоем стояли мы у Чебачьего в темени ночи.

– Такая человечиха мне попалась, – выдавливал он из себя слова. – Дочку жалко – обливается сердце кровью. Закрою глаза и вижу, как бежит она ко мне и кричит: «Папа, папочка, голубчик мой!» Думал я поначалу, когда сошлись, отчего кожа тугая у нее, розово-золотистая. Оказывается, в аэробике богиня она. Из трав настои всякие пьет. Духи те пользует, которые не старят. Свет и тепло дозами принимает. Да что о них-то. Сногсшибательные тонкости, есть тут. Оказывается, в темноте блеск глаз идет к дозированной улыбке. Покля-

лась мне когда-то, что и в пятьдесят лет больше двадцати пяти ей не дадут по виду. В общем, хорошая еще гроза одна, и расколоться может семья моя.

Так случилось, что подъехал ко мне из Казанки в этот час другой мой брателла по литературным уже делам, толковый прозаик из начинающих, рыбинспектор Толя Савельев.

Никак не ожидали мы в этот вечер гостя. Но настоявшаяся тишина ночи колыхнулась вдруг от взревевшего где-то в лесу мотоцикла. У чабанских домиков забрехали собаки. Полулежавший у костра Игорь Созинов оттолкнулся от земли локтем, вслушался в рокотливый гул.

– Толина коляска, – предположил он. – Видно, так уж допекло человека в берлоге его, что не выдержал и к нам махнул к нам согреть свою душу. Шуткуя под Петра Павловича Ершова, я продекламировал:

Плесом снеги разметая,
Мчит кибитка удалая.

А сам подумал: «Толя – драматический, а может быть, даже и трагический человек». «Написал бы ты повесть о нем», – посоветовал мне когда-то Игорь. Но теперь-то я чувствовал, что судьбу бывшего рыбинспектора повестью не избыть, тут пахнет романом.

На этом озере осенью раньше случилось с ним событие, после которого слетел он в бывшие со своей рыбинспектор-

ской службы.

Бывают же такие вечера! Глухо все в природе. Ватное небо, металлически светит вода. Сумерки сковали мир, – лес, поля и воды озера тускнеют и цепенеют. Давит на душу, все враждебно кругом, как открытый ружейный ствол, и рождает тревогу. Рыбинспектор Савельев один на Чебачьем. Оцепенело стоит он у лодок и поглядывает на мерцающую воду. Замороженность проникает в сознание, чувствует он себя нахохленным вороном. Как у Басе:

На голой ветке
Ворон сидит одиноко.

Осенний вечер. Экспедиция свернула работы, Игорь Созинов уехал в город и попросил инспектора покараулить по дружбе палаточный стан научников.

Тихо летят снежинки, шумят волны, шуршат мыши в сухой траве. Что их гнетет, что волнует? Первый мороз, снег или долгая зима?

По земле разлилась чернота ночи. И вдруг ее пронзил свет фар. Радость плеснула в душе инспектора: возвращается, значит, Созинов. Но вскоре на воде зазвучали голоса людей. По озеру шарил прожектор – это браконьеры ставили сети.

Савельев опешил: порядочный браконьер волком будет ползти, постарается не плеснуть, не брякнуть на воде.

«Из города бандюги», – решил он. Вспомнил наставление своего шефа, районного инспектора Бессолова: «Попадут они тебе – не связывайся с ними, Толян: убьют или утопят. Хрен с имя, как говорится, с наших озер много не убудет от них». И Савельеву оставалось сейчас пережидать. Хоть и был он человек десятка не робкого, служил на карельской границе, имел на счету задержания нарушителей, осторожность не лишняя: на «ура» подставлять лоб под пулю – дело нехитрое.

Лишь в два часа вернулся Созинов с шофером Сашей Смелковым. Захватив ружье, спешно попрыгали мы в машину и через несколько минут уже осветили Турухтаний песок фарами. Из кустов вылезли два браконьера. Один из них был районный инспектор, плечистый красавец Бессолов. Увидев «своих», его «помощник» бережно засунул во внутренний карман пистолет. Немного просчитался Бессолов: думал, что научники уже укатили.

«Вот и тихоня наш, – изумился Савельев, – по инспекции, как линь по дну, ходит, воды не замутит, и такая связка…»

Вскоре после этого я попал в одно купе с Бессоловым, ехали вместе с озер в областной центр. Он знал, что мы дружим с Савельевым и допытывался, что же тот рассказал о случае на Чебачьем. Не мог стерпеть теперь Бессолов в инспекции «чистенького», честного человека. «Дипломатия» его срывалась, и он невольными репликами выдал себя:

– Я чувствую его, овечка в стае. Мы разберемся с ним, –

процедил он сквозь зубы.

«Да-а, хватаешься ты, Бессолов, за кормушку по-волчьи», – размышлял я.

Бессолов вернулся из вагона-ресторана под градусом и ничего не таил:

– Я браконьер, пусть, но я семьдесят нарушителей задержал, а это не фунт изюму! Я как легавая собака, могу выследить и догнать любого браконьера. А что?

Самодовольная улыбка скользнула по его лицу, он картинно передернул плечами.

– Силенка есть.

И стоял статный, видком – гусар толстовский, с красивыми дугами черных бровей и наглыми голубыми, как у Долохова, глазами.

– Надо успевать, покуль молодой. А то философствуют некоторые: работа, работа. Об одном производстве, мол, думают, а о чем-то греховном – ни-ни. Просто хлюпики, слабаки – не могут и прикрываются работой. Не могут или бог не дал, когда раздавал пипирки, – и он хохотнул утробным смешком. – Меня бог не обидел: пипирка *головастик* не заячья… А всем ведь хоцца любить.

Подумал я об Игоре Созинове. В Тюмени встретился он с Лидией Александровной Даниленко, приехавшей в областной центр по каким-то своим делам. О личном разговорились, о превратностях любви.

ЛК: ИЗ ЗАПИСОК Л. А. ДАНИЛЕНКО

ШТОРМ НА РЕКЕ – СИЯНИЕ В НЕБЕ

Среди десятка глаз **Она** видела только его глаза, не столько видела, сколько чувствовала – они зовут. Куда? **Он** стоял в дверях охотничье-рыбацкой избы в шубе, унтах и, похоже, раздеваться не собирался. Встала, подошла, услышала: «Пойдем погуляем?» Надо бы спросить: «Куда и зачем?» На улице мороз под 40 градусов, да с ветром еще, правда, не очень сильным. Но не спросила, так как понимала – не важно куда, только от людей, туда, где были бы только снег, пихты, луна и они – любящие, пылающие, жаждущие.

Шли тихонько, даже не обнимались, не целовались, видно, луна заворожила – не говорили. Вышли на озеро, где особо блистала луна *как царское ее величество в полном царевом сиянии…* Но почему не в лес? А потому, что темно там. Но ведь влюбленным надо, чтоб было темно, да и ветра меньше. А на озере? Там подо льдом глубина метров сорок. Но нет, шли по озеру к сетям рыбацким. Зачем, ведь не рыбу же вытаскивать. Но никаких вопросов в ее голове не возникало, доверилась мужику и шла *как корова за быком.* Он большой, уверенный в себе, бывший капитан-механик речного флота, потом «зек», потом рыбак, работавший на подледном лове сигов. Она – тоже не девочка, кандидат наук, сигов выращивала в этом озере, а теперь приехала, чтоб от этих сигов получить молодь и везти их потом вновь в озеро. Был декабрь и царство снега, а рыба тем не менее нерестилась.

Подошли к сетям, она этого даже не заметила. Около сетей на озере то тут, то там, то здесь были растянуты брезенты – чтобы не так обдувало руки, когда выпутываешь рыбу из сетей.

Тут-то он и обнял ее и поцеловал, резко снял свою шубу и бросил на лед. *Лихой Стенька Разин!* Она не легла, она рухнула на шубу. И все было, стремительно улетели мозги куда-то, было лишь одно пылающее тело… Какой мороз, какой ветер? Огонь, пламя, улет на Луну без космического корабля *полет Вани-электрона в бездну.* Как возвращались, и возвращались ли? Но утром она лежала на своем спальном месте – на полу у теплой печки. *Попробуй объясни кому, что не живешь в космосе, где все связано квантовыми волнами. Пишу вот о самом интимном, переводя на компьютер записки, и с бухты-барахты на экране интернетная заява: «Жду тебя». Фото страждущей девоньки. Нажал ЛК, там фотки еще четырех. Во разгуляй-малина…* И стала размышлять: как, почему, не девочка ведь, уже за сорок, и замужем, и дети.

Но вот поди, объясни… Первая их встреча случилась два года назад, также на воде, не в зимнюю стужу, правда, также при луне и шторме на реке. Рыбаки на Оби отсаживали в специальное судно «Живорыбку» муксуна, чтобы увезти на рыбоводный завод и там получить икру. Жили и работали на судне, иногда по делам сходили на землю.

Однажды поздним вечером опять же при луне, проходя

мимо рыбаков, услышала: «А баба-то интересная, фигуристая!» Ну и что, она действительно интересная, но не только внешне. Видно не понять им было, почему это ученой бабе дома не сидится и вообще, что она здесь делает. Прошла мимо, даже не взглянув. Ходила же не в рыбацких резиновых сапогах, а в своих, модных тогда «сапогах-чулках», в них же приходилось прыгать с судна в воду и ноги часто были мокрыми. Просто дома забыла резиновую свою обувку, а здесь ничего не было. Однажды, чтобы не прыгать в воду, попросила рабочего снять ее с судна. Тот снять-то снял, да вместе с дамой упал в воду среди бела дня. На берегу стояли три рыбака и хохотали: «Слабоват мужик-то, разве не видно?» Матерки для присловья звучали. Ей не обидно было, среди рыбаков не первый год, привыкла. На Печере как-то на ее запрет матькаться один рыбак отвечал: «Что ты, милая, это же для связки слов». Без мата, мол, сухие они *сухая ложка рот дерет.* Ни мат, ни хохот мужиков не обескуражили ее. Работа научника на рыбальне такая. Он тут был, это была у нее первая встреча с ним. Потом – вторая.

И пришел третий раз. На Обь свалился шторм. Туча грузная как бы пала на воду свинцовым брюхом. А работали как раз на своей «Живорыбке». И стало сильно болтать посудину, на ногах трудно держаться. Вышли на палубу и осознали, что они одни, что все уже давно на берегу. А как им попасть туда, если связи с берегом никакой. Мобильников же тогда и в природе не было. Не успели испугаться, как уви-

дели моторную лодку, идущую в их сторону, на ней мужик. Подплыл, спросил:

– На берег надо?

– Да-да, возьми, пожалуйста.

Взял тот, конечно, подплыли к пристани (не к берегу). Лодку к дебаркадеру мужик привязал, а чтоб на берег попасть – надо в воду прыгать… Ему что, он в резиновых сапогах. Сказал: «Иди сюда, отнесу на берег, да не уроню, не бойся». Глянула вниз – он стоял в воде, голова почти у ее ног. Взял ее как ребенка на руки и понес, а она обхватила его за шею со страхом, подумав: «Хоть пообнимаюсь, давно ни с кем не обнималась!»

Да и притихла сразу – мужик уже нес ее по земле, и сердце его стучало сильно, сильно и часто. Так застучало вдруг и ее сердце. Молча соскочила она с рук и побежала в стан. Там уже была истоплена баня, накрыт стол. Но сначала – греться в баню, ох, как тепло и хорошо! Не прошло и десятка минут, как стал ее звать мужской голос. Не сразу откликнулась, не понимала, кто зовет. А тот все ходил и звал. Ответила, услышав от него: «Вот и хорошо, а то я тебя потерял!»

Потерял, надо ж! А что он ее находил, чтобы терять? Но это не вслух, про себя. Мужик ушел. Она пошла в женскую избу. *Как ненка в чум женский*. Там оказались знакомые женщины из Тюмени.

Вечером все пили чай, и открылась вдруг дверь и вошел с аккордеоном в руках тот, что нес ее. Все обрадова-

лись, стали петь песни. Потом он пел один. Глубоким грудным голосом. Под Луной только и петь так, когда звездно и во все стороны света видно. *Такие виды и пейзажи грезились академику-солнечнику Смелкову, который живописуя однажды город на Солнце, где обретался теперь он, писал дочери на Землю:*

«Улицы, Валентина, у нас такие, что все открыты, всюду увидишь дали. Светлые дали, и думается тогда о вечном. Помнишь, дочка, чеховскую повесть мы читали однажды с тобой, в пору твоей влюбленности в парня, что стал тебе мужем потом. Так вот, прогуливаясь в вечерний час по проспекту Гагарина, вышел я на край города, и открылся мне чеховский тот пейзаж, который на картине лицезрела Юлия. Молодая женщина остановилась перед ним и смотрела на него, по ее состоянию, равнодушно. И ее понять можно: не любила мужа молодка. Помнишь, как говорил ей один кавалер:

– А вы очень милы, надо вам сказать, извините за трактирное сравнение, вы напоминаете мне свежепросоленный огурчик; он, так сказать, еще пахнет парником, но уже содержит в себе немножко соли и запах укропа. Из вас мало-помалу формируется великолепная женщина, чудесная, изящная женщина. Если б эта наша поездка происходила лет пять назад, – вздохнул он, – то я почел бы приятным долгом поступить в ряды ваших поклонников, но теперь, увы, я инвалид.

А потом бормотал:

– Довольно, довольно. Оскорбил я тебя, потому что люблю безумно.

И он вдруг поцеловал ее в ногу и страстно обнял. Не знаю, о чем думала ты, Валентина, но сразила ты меня растерянным глубоким взглядом, потому что не была еще искушена в любви.

– Хоть искру любви! – бормотал нечаянный квалер Юлии. – Ну, солги мне! Солги! Не говори, что это ошибка!..

А Юлия, как ты помнишь, плакала, хотя при воспоминании о прежних подругах и о девичьей жизни не становилось ей грустно и не было жаль прошлого. Кавалер же чувствовал, что его ласки она переносит только как неизбежное последствие своей ошибки. И ногу, которую он поцеловал, она поджала под себя, как птица. Ему стало жаль ее… Утром же ему даже казалось, что она нетвердо ступает на ту ногу, которую он поцеловал…

Пейзаж, что рассматривала Юлия, предо мной во всей его чудесной натуре. На переднем плане речка, через нее бревенчатый мостик, на том берегу тропинка, исчезающая в темной траве, поле, потом справа кусочек леса, около него костер: это в воображаемое ночное – ночи как таковой на Солнце же нет – ушли наши мальчики-солнечники, которые начитались Тургенева. А вдали как бы догорает вечерняя заря. Я взглядом веду себя: по мостику, потом тропинкой, всё дальше и дальше, а кругом тихо, кричат сонные

дергачи, вдали мигает огонь костра. И мне, как и чеховской Юлии, почему-то вдруг стало казаться, что эти самые облачка, которые протянулись по красной части неба, и лес, и поле я видел уже давно и много раз на Земле. Да так оно и было. Юлия почувствовала себя одинокой, я ж наоборот – вместе со всем этим миром, с Землей Фридмана, где стала складываться новая наша судьба, с Солнцем и его вулканами, с ярким сиянием гроздьев звезд в нашей галактике. Юлие захотелось идти, идти и идти по тропинке. И меня тянуло вроде бы вместе с нею, но – в мои звездные дали, туда, где была воображаемая вечерняя заря и где покоилось отражение чего-то неземного, вечного».

О чем тебе еще написать, Валентина, в залючение этого своего пассажа? Разволновался я любовью Юлии, магией прозы Чехова и собственным своим писательским настроем. Хочется писать, писать и писать. Писать красиво, душевно, щемительно. Давно для себя уяснил: писатель тогда состоялся, когда научился писать о любви. Вот Чехов Антон Павлович мог это делать. Истинный он маэстро русской прозы. Вспомни, Валентина, концовку той его повести, какую мы с тобой прочли в один присест. Я в нее и сейчас еще заглядываю. Цели только иные: познать таинство прозы этого кудесника слова Чехова. Мне с Земли поэт из Казанки Олег Дребезгов прислал несколько колхозных «амбарных книг». Я в них записываю разности разные, как Чехов. Фразы «Солнца и любви» переписываю, что мне поглянулись

и даже отдельные большие фрагменты. Концовку той повести, к примеру, которая нас вельми впечатлила тогда. Ты только подумай, что было. Юлия не любила Алексея Лаптева. Чувства какие-то вспыхнули, когда у них родился ребенок. Но малютка вскорости умер. Эволюцию чувства Юлии, любви ее и Алексея Лаптева смог прекраснейше передать Антон Павлович. Фрагмент концовочный я переписываю тебе уже из «амбарной тетради» своей. Вот он, щемящий такой:

«Потом он сидел на террасе и видел, как по аллее тихо шла его жена, направляясь к даче. Она о чем-то думала и на ее лице было грустное, очаровательное выражение, и на глазах блестели слезы. Это была уже не прежняя тонкая, хрупкая, бледнолицая девушка, а зрелая, красивая, сильная женщина. И Лаптев заметил, с каким восторгом смотрел ей навстречу Ярцев, как это ее новое, прекрасное выражение отражалось на его лице, тоже грустном и восхищенном. Казалось, что он видел ее первый раз в жизни. И когда завтракали на террасе, Ярцев как-то радостно и застенчиво улыбался и всё смотрел на Юлию, на ее красивую шею. Лаптев следил за ним невольно и думал о том, что, быть может, придется жить еще тринадцать, тридцать лет… И что придется пережить за это время? Что ожидает нас в будущем? И думал: «Поживем – увидим». Смотрел он на нее, потом сел рядом. Сказала: «Пой для всех, чего на меня уставился?» А он: «Тебя люблю, тебе пою…» Ну,

что скажешь наглецу! А он: «Пойдем погуляем?» Сердито посмотрела и смолкла, отрицательно покачав головой. Он не настаивал, пел грустно и задушевно.

Но сколько же можно сидеть после бесконечного чая, вышли с тюменской знакомой вдвоем на улицу. Шли сюда – было темно, хоть глаз коли, вышли – чудо! На небе колыхались, переливались разными цветами шторы полярного сияния. Влетели в избу с криком, и все высыпали наружу, задрали головы к небу. Многие годы работала она здесь, но такого никогда в этих местах не случалось. Далече-далеко до Заполярья, до тундры, до Ледовитого океана. Это было настоящее чудо, которое потрясло всех А он подошел к ней и тихонечко сказал: «Вот не хотела со мной погулять выйти, а Бог услышал меня и послал полярное сияние. Давай погуляем немного!» Она согласилась, подумав про себя: «Не съест же он меня». Через пятнадцать минут направились домой. У дверей он вдруг крепко обнял ее, поцеловал, отпустил и сразу же ушел. А в декабре, в мороз рухнула под него, не зная даже его имени. А может, ей все это пригрезилось?

Нет, это было предначертано в ее судьбе. Об этом ей сказала студентка из Тобольского рыбтехникума, приехавшая на практику в рыбоводный цех в Сургут. Гадалкой она оказалась. Даром таким обладала. По руке судьбу ее прозрела:

– Вы вроде бы хорошо с мужем живете, а сами каждый день плачете.

Попала в точку девчонка. Насчет двух детей, что были

у нее, угадала: младшая дочь ее погибла, и осталось двое. Не до любви стало. Пришло время читать «Евангелие» и даже понимать то, о чем там говорилось. И что муж не последний – не ошиблась. Травница мама была у студентки и дар свой дочери передала.

В суете жизни все это с гаданием позабылось. Но через несколько месяцев случилось то, о чем говорила молодая гадалка: неотвратимо шел к ней мужчина *осиянный волшебным полярным светом* и пришел. *Глянул будто в окно неба на них глаз Бога.*

А Савельева Бессолов сшиб подлой подсечкой. Пригласили Толю отметить бессоловский день рождения на озере и там упоили в усмерть самогонкой. Несколько дней провел Савельев в хмельном угаре. Голова была настолько очугуневшей, что о работе не помышлял даже. А Бессолов его с треском и выгнал за три дня прогулов, расколоколив о пьянке своего подопечногог на всю область. Савельева ошарашило вероломство шефа, оправдываться он ни перед кем не стал и подался на временную работу в районную кочегарку *начальником кочегарки, биниалится с «начальником Чукотки», с блеском сыгранным популярным артистом Михаилом Кононовым.* Я его спросил: «Что ж ты за помощью никуда не обратился?» А Толя как отрубил: «Нет квалификации на жалобы у меня». Мог бы и сам я, владея пером, вывернуть эти события наизнанку, но не надеялся на успех. Рыбная верхушка крепко меня пасла. Ловкую систему отработа-

ли там для обезвреживания моих критических бомб. Рыбный «генерал» звонил дружку своему, второму секретарю обкома партии, ведавшему среди прочих и рыбной отраслью, что сотрудник НИИ такой-то подготовил материал в газету, в котором все переврал. Как не поверить такому деятелю, когда на пикниках и спецдачах он душа компании, центнерами шурует тебе презенты из осетров, икоркой подкармливает. Обо всем аппарате заботится. Как в сказке туей щедринской: медведь-то ему кадочку с медом в презент при рапорте отправил. Разве не оценишь такого, который без утайки признается тебе, что пять тонн деликатесов передержали сверх критических норм хранения (это значит, что начнут накапливаться в них канцерогены) и пришлось выбросить их народу, в торговую сеть… Вот и поднимает трубку «генерал-губернатор» по рыбе и связывается с газетой. А когда я прихожу туда, редактор, кругленький, обычно золотисто-сияющий, как поджаристый колобок, напускает на себя мрачность Генерального прокурора и заявляет, что принес я клевету на честных людей, что из обкома, мол, был сигнал и вообще мне поостеречься надо. На положительном ярком опыте надо вести людей, воспитывает он меня, а у тебя, говорит, погоня за жареным, непонимание линии партии. А это, мол, дружок, серьезно, к тому клонит, что с душком работаю, так и до антисоветчины можно скатиться. Такая примерно схема. И в завершение редактор выдает что-нибудь подловатое. Один раз невзначай будто об отце напомнил: «Слышал я, что

врагом народа был он у тебя, в тюрьме сидел, и нет у него реабилитации». Не созрел я тогда еще до забот в этом направлении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.